

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration: 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 8/32

АВГУСТ 1936.

№ 8/32

СОДЕРЖАНИЕ.

Гайдар Баммат — Взбаламученная Европа.

Доминик Милль — О Проливах.

Зураб Авалшвили — Отрывные листки.

Шалва Карумидзе — «Север» и «Юг».

Тамбий Елекхоти. — Кавказ между Севером
и Югом.

Г. Л-ли — Тяга к Азии.

Обозреватель — Самоубийство Ханджяпа.

Генерал Муса Паша Кундухэв — Воспоми-
нания.

Обзор Печати.

Хроника.

28 августа 1936 г.

ВЗБАЛАМУЧЕННАЯ ЕВРОПА

Не раз уже Испании приходилось в прошлом быть причиной международных осложнений. События, разыгрывающиеся сейчас между Марокко, Гибралтаром и Балеарскими островами легко могут стать источником нового общеевропейского пожара.

Географическое и стратегическое положение Испании и ее заморских владений, на главных имперских путях Великобритании, Франции и Италии, таково, что ни одна из великих держав не может быть равнодушной

к исходу происходящей здесь борьбы.

После шести недель ожесточенной гражданской войны, сопровождающейся необычайными даже для нашего жестокого времени зверствами, политическая физиономия борющихся сторон определилась совершенно отчетливо.

Попытка изобразить национальную революцию, вызванную тиранией «народного фронта», как преступный мятеж реакционных генералов и монархистов никого не обманула. Не погрешая против очевидности нельзя отрицать, что на обширной территории, составляющей почти две трети Испании, которая сейчас находится во власти инсургентов,

народные массы активно и с энтузиазмом поддерживают эту новую революцию.

С другой стороны каждый день приносит новые доказательства того, что мадридское правительство, как и барселонское, как и ряд других, совершенно с Мадридом не считающихся, местных правительств, всецело находятся под контролем коммунистов и руководствуются директивами Москвы и Третьего Интернационала.

На испанской территории в смертельной схватке столкнулись две идеологии, два раздирающих современную Европу мировоззрения.

Испанская драма утратила местный характер и стала одним из решающих фазисов мировой борьбы между нигилистическим материализмом и интернациональным марксизмом с одной стороны и идеалистической верой в примат духовных ценностей и национальным патриотизмом с другой.

Понятно, что перспектива образования на крайнем западном фланге Европы, в стратегическом узле, где скрещиваются жизненные интересы крупнейших держав, новой, вассальной Москве, Испанской советской республике глубоко волнует не только такие «фашистские» страны, как Германия и Италия...

Вот что писал на днях по этому поводу, в статье озаглавленной «Патриоты против красных», уравновешенный «Сидней Диспач».

«...Правительство народного фронта в Мадриде, как и правительство г. Блюма во Франции, является простой игрушкой в руках коммунистов. Когда Франция заключила пакт с Советами, она потеряла добрую половину английских симпатий.

Если Франция стала бы теперь активно помогать красным против испанских патриотов, симпатии эти еще более уменьшились бы. У нас есть один единственный враг, как во

внутренней, так и во внешней политике — это коммунизм. Английский народ посылает испанскому народу свои лучшие пожелания успеха в его борьбе против коммунизма, так как эта борьба — есть его собственная борьба...»

А вот другая и тоже очень характерная цитата из брюссельского «Ле Пуркуа па», отражающая бельгийские настроения, в связи с двойственной позицией, занятой в испанском вопросе правительством «народного фронта» г. Блюма с одной стороны, и политическими организациями и социальными группами, на которые оно опирается с другой:

«Мы проникнуты, — пишет «Ле Пуркуа па», — французской культурой. Хотим мы того или нет, мы связаны с Францией в плане интеллектуальном и политически. Но мы думаем, что защита вчера негуса, сегодня Испанского «народного фронта», а завтра Сталина не стоит костей одного брюссельского гренадера. Если Франция охвачена жаждой самопожертвования во имя столь благородных целей, мы охотно проводим ее пеннем: — *«Алле-э-анфан де ля Патри»*, а что касается современной защиты свободы, свободы на манер негуса, Сталин, и «фронтэ популар», разрешите нам разстегнуться, чтобы в волю посмеяться...»

Эта статья и недавняя на шумевшая речь бельгийского министра иностранных дел, *социалиста* Спаака, не постеснявшегося заявить, что он «дрожит перед странным пацифизмом, который не колеблется прибегнуть к войне, чтобы доказать свое миролюбие», свидетельствуют, что не только в умеренных и правых кругах, но и в широких народных массах Бельгии и даже у некоторых социалистов «священная война демократий против фашизма» никакого восторга больше не вызывает.

—:—

Начатые по инициативе Франции перего-

воры о невмешательстве в испанские дела, тянутся уже почти целый месяц и не дали еще окончательных результатов. Этому не приходится удивляться. Слишком противоречивы интересы договаривающихся сторон. Слишком велико и недоверие их друг к другу.

Регулируемое общественное мнение Германии, Италии и советской России, как и поддерживающие французское правительство «народного фронта» политические группы, занимают в этом вопросе диаметрально противоположные позиции. И занимают их с такой непримиримой остротой, что трудно поверить в искренность и реальную осуществимость формального соглашения, которого дипломатам в конце концов повидимому удастся добиться.

Никто, не может сомневаться в искреннем желании Англии сохранить статус-кво в западном бассейне Средиземного моря. Во время Итало-Эфиопской войны Великобритания уже дала не мало доказательств своего, быть может вынужденного, миролюбия. В настоящее время, когда ее флот и авиация, несмотря на лихорадочную работу британской военной промышленности и астрономические кредиты, далеки еще от совершенства, а дипломатия все еще находится на распутье, Англия, конечно, сделает все, чтобы не допустить непоправимых осложнений в районе Гибралтара и Испанского Марокко.

Не следует забывать, что Гибралтар, этот скалистый утес, не имеющий достаточного гинтерлянда, для оборудования воздушной базы, перестал быть тем грозным стражем пролива, которым был когда то.

Истинным хозяином пролива является держава, владеющая Сеутой.

О видах Италии на Сеуту кетати не мало писалось в последнее время в связи с поддержкой, которую Рим, якобы, оказывает генералу Франко.

Правда Муссолини дал уже Англии и всему миру достаточно доказательств своего «динамизма», но все же очень сомнительно, чтобы без военных осложнений, в общеевропейском масштабе Италия решилась на открытый захват этой исключительно важной позиции. Предполагать же, что за несколько аэропланов и пулеметов вожди испанского национального движения подарят Италии ключи от Средиземного моря — шутка довольно сомнительного вкуса...

У Германии были всегда, и имеются сейчас, весьма крупные экономические и коммерческие интересы в Испании. Несколько десятков тысяч немцев постоянно проживают на испанской территории.

Не может Германия, в виду своей европейской и мировой роли, не интересоваться и военно - морскими проблемами, связанными с испанскими владениями. Но для всякого объективного наблюдателя совершенно очевидно, что в настоящий момент Германия озабочена вовсе не расширением своих интересов в Испании.

Все ее внимание поглощено ближайшими политическими результатами гражданской войны и возможностью возникновения за Пиренеями послушной велениям Москвы Испанской советской республики.

Согласно свидетельству специального корреспондента «Матэн», Филиппа Барреса, в Берлине существует убеждение, что неотвратимым последствием советизации Испании явится установление в ближайшем будущем советского строя в соседней Франции, со всеми логическими последствиями такого события «и тогда война между Францией и Германией станет неизбежной».

Между тем все усилия национал-социалистической дипломатии, вся концентрированная воля верховного вождя страны и всех его

соратников неизменно направлена к созданию условий прочного и длительного мира в Западной Европе и к обеспечению реальной безопасности Рейнских границ Германии.

Цель эта стала настоящей идеей фикс режима. Ею были продиктованы многочисленные сенсационные призывы Гитлера и его помощников к французскому правительству и, через голову его, к французскому народу. Эта идея лежит в основе и большого конструктивного «плана мира», предложенного Гитлером в момент занятия демилитаризованной Рейнской зоны. Ею продиктованы и лихорадочное вооружение этой зоны и возведение на ней защитных укреплений.

Вся эта дипломатическая работа и военные приготовления Рейха неопровержимо свидетельствуют, что если у Берлина и имеются какие-нибудь затаенные агрессивные замыслы, то острее их во всяком случае не направлено против Франции и против Запада вообще...

Едва ли впрочем у кого-нибудь на этот счет еще остаются сомнения.

Во всяком случае, у Англии, объявившей, как известно, Рейн своей границей и реально заинтересованной в неприкосновенности Франции, Бельгии и Голландии, этих сомнений по видимому больше нет.

Мы присутствуем сейчас при весьма серьезных усилиях британской дипломатии, направленных к сближению Парижа с Берлином и недавнее назначение фон Риббентропа, пользующегося особым доверием Фюрера и завоевавшего прочные симпатии во влиятельных английских кругах, послом в Лондон, должно служить этой цели.

Принявшая обязательные формы опасность коммунистической революции в Европе расценивается в Лондоне как опасность,

гораздо более реальная и страшная чем возможное усиление Германии на Востоке.

С этой возможностью Англия вообще начинает примиряться и тем более охотно, что чрезмерная, инфильтрация России в европейские дела и непоседливая активность красной дипломатии, как показали инциденты, имевшие место во время конференции в Монтра, начинают серьезно беспокоить великобританское адмиралтейство...

—:—

Испанские события отвлекли внимание дипломатических канцелярий от Центральной Европы. Между тем политические перемены, происходящие в придунайских государствах чреватые очень серьезными последствиями для всей Европы.

Не нужно обладать большой провидательностью, чтобы догадаться, что Австро-Германское соглашение знаменует очень важную дату в послевоенной истории Европы.

Если Гитлер нашел необходимым хотя бы временно отказаться от одного из наиболее дорогих его сердцу австрийца пунктов национал-социалистической программы — воссоединения Австрии с Германией, а Муссолини, с риском опасно скомпрометировать всю центрально-европейскую и балканскую политику послевоенной Италии, пошел на раздел влияния в Вене с Германией, оба диктатора конечно знали, что они делали. Очевидно они нашли целесообразным пойти на эти жертвы во имя более важных и срочных интересов своих стран...

Каковы ни были секретные и более или менее отдаленные объекты этого соглашения, последствия его не замедлили уже сказаться...

Трещит по всем швам доживающая последние дни «Малая Антанта». Окрылились в Бу-

далее надежды на создание ревизионистского блока в составе Германии, Польши, Италии, Австрии, Венгрии и Болгарии...

О глубине происходящих сдвигов свидетельствует исключительная по своему значению речь Бенеша, произнесенная 19 августа в Зеленом Броде. Президент Чехо-Словацкой Республики, несущий вместе с г. Титулеско немалую ответственность за советский уклон французской политики, является одним из наиболее искушенных деятелей послевоенной Европы. Его чешский патриотизм конечно вне сомнений. После Масарика ему, больше чем кому либо, Чехо-Словакия обязана своим существованием и той совершенно несоразмерной ролью, которую молодое государство играет в современной Европе.

Если теперь течением событий Бенеш вынужден бить отбой и, публично дискредитируя значение им же заключенного военного союза с Москвой, делает курбеты перед Берлином и недвусмысленно приглашает Францию к соглашению с Германией, значит действительно настал момент, когда дальнейшая игра в «неделимый мир» и «коллективную безопасность» стала для Чехо-Словакии смертельной угрозой.

Знаменательное выступление Бенеша конечно будет иметь громадное влияние на дальнейшую политику Праги, Бухареста и Белграда. Оно произвело сильное впечатление и в Париже, усилив позицию тех политических кругов, которые совершенно справедливо не видят достойного выхода из того международного тупика, в котором очутилась Франция, вне широкого и чистосердечного соглашения с Германией.

—:—

Несмотря на шумный успех «народного фронта» во Франции и приход к власти в Париже правительства, вынужденного опираться

на массы, послушные директивам коммунистической партии и Третьего Интернационала, первая половина 1936 г., в плане международном, принесла Москве не мало разочарований.

Женевская карта советской дипломатии оказалась битой самым позорным образом.

Конфликт Италии с Лигой Наций показал всю опасную иллюзорность расчетов на женевскую международную говорильню.

Создавшийся в Стресе против Германии Англо - Франко - Итальянский фронт, к которому жаждала пристроиться Москва, окончательно распался.

Вместо него создалась Итало-Германская комбинация, гегемонию которой в Центральной Европе и на Балканах, как это ни горько Литвинову, «волею ноленс» придется скоро признать.

Подточен и весьма основательно извне и изнутри даже Франко-Советский пакт... и если в ближайшее время Москве не удастся спровоцировать серьезных международных осложнений, вся трехлетняя упорная работа Кремля, связанная с изменой основным принципам коммунизма и предательством международного рабочего движения, будет сведена к нулю. Эти осложнения Москва повидимому решила вызвать в Испании.

Едва ли можно сомневаться, что захват мадридским «закопным» правительством немецкого пассажирского самолета и обыск, явное нарушение международного права, в открытом море военными судами «народного фронта» немецкого коммерческого судна носит чисто провокационный характер.

Эти мероприятия, в связи с яростной «антифашистской» кампанией, которую усилила на своих страницах коммунистическая и социалистическая печать всех стран, ясно говорят о твердом решении Кремля спровоцировать

Германию или Италию на какие нибудь крайние решения.

Основной целью конечно попрежнему остается так или иначе вовлечь Францию в войну с Германией.

Эту коварную и преступную игру Кремля, при безсильном зубовном скрежете официальных французских коммунистов - «москутеров», изо дня в день с блестящим успехом разоблачает, бывший лидер французских коммунистов, ныне глава французской народной партии Жак Дорио.

Инцидент с «Камерупом» вероятно удастся более или менее благополучно разрешить. Но нужно быть готовым к новым и вероятно более серьезным инцидентам. Берлину и Риму понадобится много выдержки, чтобы парировать провокационные выпады Москвы без ущерба для своего государственного достоинства и ущемления взвинченного национального самолюбия.

Удастся ли это?..

Гайдар Баммат.

О проливах

(Окончание)*)

Смерть Николая I-го и падение Севастополя положили конец этому конгрессу. Полномочные представители разъехались, подписав предварительно прелиминарные условия мирной конференции, которая должна была состояться в Париже. Конференция эта, открывшаяся 26 февраля, закончилась 18/30 марта 1856 года подписанием Парижского трактата.

Все более и более подпадая под влияние Англии, вставшей его в эту войну Наполеон III не сумел воспротивиться предложению Англии и Австрии (Австрия уже два года не переставала изумлять мир своей неблагодарностью) нейтрализовать Черное море, путем изгнания из него русского флага. Это означало вернуть Россию к эпохе, предшествовавшей Адрианопольскому миру. Острота меры подчеркивалась еще тем обстоятельством, что

Турция сохраняла право иметь свой флот для охраны турецкого побережья Черного моря.

Не удивительно, что Россия, воспользовавшись постигшей Францию в 1870 году катастрофой, чтобы в обмен обещанного Германии нейтралитета, добиться поддержки Бисмарка для уничтожения столь унижительного для нее договора.

Созванный в Лондоне в начале 1871 года конгресс восстановил конвенцию 1831 года. Турция вследствие этого теряла ту гарантию безопасности, которую с 1856 года давало ей полное отсутствие русского флота в Черном море. Поэтому ей было предоставлено право (в котором ей было отказано в 1841 году): «открыть проливы в мирное время военным судам дружественных и союзных держав в тех случаях, когда Влиятельная Порта признает это необходимым для защиты предначертаний Парижского трактата». Эта уступка возрождала возможность сепаратных согла-

шений между слабой попрежнему Турцией и какой нибудь великой державой, достаточно мощной для того, чтобы временно продиктовать ей свою волю.

Шесть лет, истекших между подписанием этой конвенции и русско - турецкой войной 1877 года, были свидетелями непрерывных интриг Австрии и Германии, стремившихся то толкнуть Россию на расширение своего господства в направлении Бессарабии и Малой Азии, то пытавшихся воспрепятствовать реализации ее воледействий.

Задача немецких государств заключалась в том, чтобы усилить влияние Австрии на Балканах за счет славянства и нанести окончательный удар Франции.

Австро - русским соглашением, заключенным в Рейхштадте в 1876 г., подтвержденным секретным договором 1877 года, Австрия добилась уступки ей Боснии и Герцеговины в замен округления России на Кавказской границе.

В это самое время Бисмарк предлагал лорду Дерби наступательный союз против Франции, «дабы покончить с ней». Выгода Англии заключалась бы в том, что она смогла бы реализовать свои виды на Египет и осуществить свои воледействия на Ближнем Востоке. Получив отказ Англии, железный канцлер обратился к Александру II с предложением поддержки Германии против Турции, с тем условием, что Россия откажется от всякой поддержки Франции. Лорд Виконсфильд был серьезно обезпкоен этими планами. Он опасался преждевременного развала Оттоманской империи. Вероятно он сговорился бы с Россией, если бы не его категорический отказ участвовать в политике покровительства восточным христианам.

Война, которой жаждали славянофилы, и которую поддерживали центральные держа-

вы, вспыхнула вопреки желанию императора Александра II.

Сан-Стефанский договор, заключенный между Турцией и Россией 3 марта 1878 года, возстановил мир. Берлинский трактат существенным образом изменил условия этого договора. Что касается проливов, что ст 63 удовлетворилась простым подтверждением текста Лондонской конвенции 1871 г. Следует, однако, отметить попытку английского делегата лорда Сальсбери зарегистрировать одно существенное изменение: когда русские делегаты на заседании 11 сентября 1878 г. безуспешно пытались добиться коллективной гарантии держав для выполнения требований Берлинского трактата, лорд Сальсбери заявил, что «обязательства Его Британского Величества в отношении проливов ограничиваются обещаниями, данными Е. В. Султану». На следующем заседании, имевшем место на другой же день, русский делегат граф Шувалов потребовал внесения в протокол русской тезы, гласившей, что «принцип закрытия проливов есть принцип общеевропейский» и что «мероприятия, формулированные в этом отношении в 1841 г., подтвержденные Берлинским трактатом обязательны для всех держав».

В тот момент, когда лорд Сальсбери выражал свою новую точку зрения, он считал, что его страна всемогуща в Турции: международному обязательству он предпочитал поэтому обязательство одностороннее, данное слабому Султану, в вопросе закрытия и открытия проливов вполне покорному желанием Англии.

По соображениям диаметрально противоположного характера, ослабленная войной Россия желала гарантий международных.

Как всегда, Англия использовала оба тезиса в интересах момента после консульта-

ция адвокатов короны, которые по остроумному замечанию барона Бруннова, обладают удобным свойством располагать по каждому данному случаю мнением, соответствующим погоде.

В 1885 году английское правительство поколебавшее уже в 1878 году принцип закрытия проливов, было опять готово к его нарушению, по случаю разногласий с Россией на границах Афганистана. Спустя десять лет оно протестовало против данного Султаном разрешения перевести четыре русских миноносца из Балтийского моря в Черное. Оно запретило Султану дать разрешение на проход русского флота Черного моря через проливы для соединения с большим русским флотом, направлявшимся в Японию. Обязанная, согласно Берлинскому трактату, выступить против Турции в момент армянской революции, Англия воздержалась от вмешательства. Однако князь Лобанов, опасавшийся того, что под давлением общественного мнения кабинет Сальсбери будет вынужден выступить, заявил, что Россия воспротивится всякому решению какой бы то ни было державы, принятому вне европейского концерта. В то же время император Вильгельм шумно демонстрировал свои симпатии султану Абдул-Гамиду. Это было в сущности повторением жеста Бисмарка во время Константинопольского конгресса 1876 г. В конце концов протесты кабинетов свелись к посылке в Босфор, в распоряжение посольств, вторых стационарных судов. Мера эта была принята с общего согласия всех держав.

Россия надеялась на отвечающее ей желание разрешения вопроса в связи с младотурецкой революцией 1908 года. Австрия обещала ей свою поддержку в виде компенсации за аннексию Боснии и Герцеговины. Другие державы обещали, что не станут возра-

жать. Но Англия решительно выступила против этих намерений. К тому же Черное море уже не могло больше рассматриваться как море, находящееся в совместном обладании только Турции и России. Румыния и Болгария с их маленькими флотами выражали претензию быть выслушанными.

Италия - турецкая война в Триполи и Балканская война повлекли за собой закрытие проливов. Мера эта повлекла за собой огромные потери экономического характера для всех черноморских держав. Однако ни один из трактатов, подписанных в результате этих войн, не модифицировали режима проливов. Великие державы поговорили немного о целесообразности применения к проливам статута, установленного для Суэцкого канала. Разговоры эти конечно не могли иметь практического значения, ибо применение этого статута к проливам невозможно. Никакое обязательство не сможет воспрепятствовать сильному государству, занимающему проливы, пожелать остаться хозяином положения и разрешить в конечном счете вопрос о праве прохода по своему усмотрению.

Здесь уместно напомнить лишний раз постоянный и неизменный характер политики русских царей, в вопросе о проливах. Мы имеем случай напомнить как император Павел I признал точку зрения, высказанную по этому вопросу графом Кочубеем, и как император Николай I присоединился к заключению графа Дашкова, занявшего ту же позицию. Николай II следовал примеру своих предшественников. Он одобрил позицию, занятую г. Сазоновым в его всеподданнейшем докладе от 23 ноября 1913 года и формулированную следующим образом: «Россия не могла допустить, чтобы какая-нибудь иная держава утвердилась в районе проливов; но она не должна была стремиться и сама овладеть

ими. Она желала видеть Турцию способной заставить уважать договоры, но с тем, однако, условием, чтобы она не увеличивала своих сил в Черном море».

Из этого можно усмотреть как заблуждался комитет «Единение и Прогресс» в 1914 г. и как Германия сумела воспользоваться неосведомленностью Энвера, Талаата и Джемала.

После того, как Англия совершила роковую для держав согласия ошибку, отказавшись от преследования «Гебена» и «Бреслау» и одновременного с ними проникновения в проливы, Оттоманская империя фатально обрекалась на союз с Германией. Нужно не упускать из виду, что весь период со времени армянских событий до мировой войны, был отмечен все возрастающим влиянием Берлина на султана и на турецкую армию. Господство Германии над проливами, хотя бы и под турецким флагом, неизбежно должно было потрясти мир. Россия была глубоко взволнована. Надо вспомнить с какой энергией она протестовала против миссии генерала Лима фон Сандерса. Однако, только через 2 месяца после начала войны, 26 сентября 1914 г., г. Сазонов в первый раз намекнул на проливы и то лишь только для того, чтобы просить для России, в случае победы союзников, права на свободное прохождение через проливы русских военных судов.

Меморандум Сазонова от 4 марта 1915 г., требовавший инкорпорации к России как неотъемлемой части империи города Константинополя и побережья проливов был передан Англии и Франции лишь после принятого этими двумя державами решения форсировать проливы. Нужно видеть в мемуарах Пуанкаре (том 6-ой стр. 87 и сл.) какие усилия употребила Франция, несмотря на десять оккупированных провинций, для того, чтобы со-

хранить за Турцией Константинополь и проливы. С точки зрения Парижа Россия должна была бы ограничиться нейтрализацией проливов. Французские государственные люди вспомнили ответ, данный послом Наполеона I, царю Александру по поводу знаменитых «ключей от своего дома» — «Если Россия овладеет «ключами от своего дома», она вместе с ними захватит и ключи от Тулона, Адриатики и от всемирной торговли». Готовый на все уступки России Наполеон, как известно, оговорил для себя, в случае раздела Турции, Дарданелы и берега Мраморного моря.

Неудивительно что переговоры между союзниками, начавшиеся 4 марта 1915 г. привели к окончательному результату только 9 февраля 1916 г. Правда, Англия довольно охотно пошла навстречу желаниям России. Король Георг V в разговоре с графом Бенкендорфом 18 ноября 1914 г. прямо заявил русскому послу: «Само собою разумеется Константинополь должен быть вашим». Сэр Эдуард Грей высказался в том же смысле. Но письменное подтверждение Форейн Оффиса заключало резервы, которые причинили некоторое беспокойство г. Сазонову.

Поиски большевиков в секретных документах в целях установления империалистических целей союзников, как известно, дали результаты довольно незначительные.

Правда, некоторые русские дипломаты, в роде кн. Трубецкого, обнаружили недюжинный полет фантазии. Можно однако думать, что он отражал настроения довольно ограниченных кругов. Лишь одно явствует с неотменной очевидностью из всех этих разоблачений, что с момента тяжелых поражений 1915 года никто в высоких русских кругах уже не верил в возможность победы и когда, накануне революции, было опубликовано соглашение, которым Константинополь отдавался Рос-

сии, этого оказалось недостаточно для того, чтобы поднять дух армии и общественного мнения.

Брест-Литовский мир помешал России приобрести «ключи от своего дома». Этот договор вместе с тем создал в Лондоне убеждение, что единственной и бесспорной наследницей Оттоманской империи является Англия, обладающая достаточной силой, чтобы отбросить турок далеко вглубь Анатолии и взять на себя опеку греков в Константинополе.

Знаменитый Севрский договор был выработан в пору этих настроений, то есть в пароксизме подлинного сумасшествия.

Реализация его была невозможна. Громадные афиши, расклеенные по всему Парижу, призывавшие турецких делегатов отказаться от подписания договора, выражали искренние чувства французского народа и мнение правящих кругов.

Этот, совершенно нелепый договор, устанавливал интернационализацию проливов, фактически же передавал Англии контроль Черного моря и обоих проливов. Свобода судоходства обезпечивалась, как в мирное время, так и во время войны, для коммерческих и военных судов всех стран.

Эта свобода предполагала демилитаризацию зоны проливов, в целях ограждения проходящих через проливы судов от опасности турецких пушек, а также постоянный контроль этой зоны со стороны держав; для наблюдения за выполнением Турцией, как пункта демилитаризующего проливы, так и всего договора в целом.

Это решение было предложено союзникам Турции и на Лозаннской конференции.

Соображения, выдвинутые союзниками для поддержания их предложения, сводились к тому, что коммерческая навигация в Черном

море должна быть совершенно свободна и что лишь морские силы держав способны оказать необходимую протекцию их коммерческому флагу. Как Средиземное, так и Черное моря и связывающие эти моря проливы являются международным достоянием. Никакая частная суверенная власть не может действовать на этих пространствах в ущерб интересам семи народов. Что же касается опасности, проистекающей для Турции от факта нахождения на ее территории международного пути, то эта опасность может быть аннулирована специальными гарантиями. Принимавший участие на конференции в качестве «наблюдателя» представитель Соединенных Штатов Америки, был особенно категоричен в этом отношении.

Советский делегат, г. Чичерин, противопоставил этому тезису классическую формулу русского империализма, освященную царями в те эпохи, когда Россия бывала ослаблена внешними или внутренними невзгодами: суверенитет Турции должен быть неограниченным; греческие острова, Самоатрас и Лемнос, должны быть объявлены автономными; проливы должны быть закрыты для военных судов всех стран, за исключением Турции, Черное море должно быть превращено в закрытое море.

Лорд Керзон отчитал Чичерина без всякого снисхождения. Он подчеркнул, между прочим, что Москва нисколько не считалась с другими государствами, лежащими на берегу Черного моря, ни с Дунайскими странами.

Представители Анкары предоставили своим русским друзьям действовать. Они чувствовали себя связанными, с одной стороны Сиваским Национальным Пактом, с другой — турецко-советским договором 16 марта 1921 года и условиями перемирия, заключенного в Мудании.

Они настаивали на том, чтобы к независимым черноморским державам были причислены Грузия и Украина и проявляли, разумеется, максимальную твердость в военных вопросах. На предпоследнем заседании однако, совершенно неожиданно, они приняли предложения союзников. Вероятно это было результатом чрезмерного усердия Чичерина. Его жажда напасть на Румынию, лишенную поддержки союзников, сквозила в каждой его фразе. Он слишком часто напоминал туркам договор в Хункер Искелеси.

Справедливость требует впрочем отметить, что союзники весьма значительно ослабили свои первоначальные требования.

Конвенция о проливах была подписана 24 июля 1923 г., одновременно с остальными актами конференции Британской империей, Болгарией, Францией, Грецией, Италией, Японией, Румынией, Турцией и Югославией, называвшейся еще тогда Королевством Сербов, Кроатов и Словен. Советы воздержались.

С абстрактной точки зрения этот акт был значительным прогрессом в международном правотворчестве и в международных отношениях. Он воздвигал в принцип, что географическое положение не может закрывать для международного пользования блага, одинаково необходимые для всех народов. Исходя из этого именно положения ст. 23 конвенции признавала за военными и коммерческими морскими и воздушными кораблями всех стран право на морскую и воздушную навигацию через проливы. Таким образом, статут отвечающий интересам всех держав, как прилежащих к Черному морю и к Дунаю, так и на их берегах расположенных, был противопоставлен господствовавшей некогда теории, обслуживавшей лишь интересы господствовавшей в Черном море державы. Новый режим не в путях политического давления, а в

порядке международного законодательства освобождал судоходство по проливам от всяких сервитутов в отношении Турции.

За Турцией было сохранено право во время военных действий, в которых она будет принимать участие, запретить судам враждебных ей держав навигацию через проливы, не закрывая их однако для военных и коммерческих судов нейтральных держав.

В случаях сохранения Турцией нейтралитета ей запрещалось приводить проливы в оборонительное состояние.

Наконец, в мирное время тоннаж военных судов, который каждому государству разрешалось переводить из Средиземного в Черное море не должен был превышать тоннаж флота наиболее сильно, в момент прохода судов, черноморской державы.

Оценка этих сил являлась компетенцией комиссии проливов. Каждое государство впрочем сохраняло за собою право свободного во всякое время ввода в Черное море трех судов не превышающих каждое 10.000 тонн.

Турция же обладала привилегией свободной навигации своего флота в принадлежащих ей водах Черного моря в неограниченных размерах.

Делая одну уступку за другой, союзные державы ограничили демилитаризацию зоны проливов — запретом укрепления Галлипольского полуострова, двух полосок территории на берегах Босфора, островов Мраморного моря, вод и части береговой полосы этого моря. Пять греческих островов на подступах к входу в Дарданеллы были также демилитаризованы.

Эти ограничения конечно были значительными, но не могли помешать Турции использовать совершенства современных вооружений и топографию местности для запрета входов и навигации в проливах.

К тому же Турция сохранила право передвижения своих войск по демилитаризованной зоне, однако, без права пребывания на ней. Ей предоставлялось право установить на этой зоне какую ей угодно телефонную и телеграфную сеть.

Что касается комиссии проливов, то в принципе ей предоставлялись суверенные права в области контроля и наблюдения за применением конвенции. Фактически же отменяясь постепенно от своих прерогатив в пользу правительства Анкары члены этой комиссии (по одному от каждой из подписавших конвенцию держав — представитель Турции — председатель) свели свою роль к простому определению числа иностранных судов, допускаемых в воды проливов.

Первый французский делегат на Лозанской конференции, г. Баррер, был в праве заявить, после обмена подписей: «Что остается от этой демилитаризации? Один лишь символ — символ мира».

Дабы дать удовлетворение женеvским мечтаниям, оставалась комиссия проливов, действующая под эгидой Лиги Наций и данное, в виде компенсации, разоруженной в зоне проливов Турции, обещание придти ей «на помощь»: 1) в случае нарушения правил регулирующих проход через проливы, 2) в случае неожиданного нападения, или совершения какого либо враждебного акта, являющегося угрозой свободе навигации в проливах или безопасности в демилитаризованной зоне.

В этих случаях высокие договаривающиеся стороны, и во всяком случае Великобритания, Франция, Италия и Япония, обязывались воспрепятствовать правонарушению всеми средствами, которые Лига Наций найдет необходимым им рекомендовать.

В эпоху подписания Лозанского договора еще верили в возрастающий авторитет Лиги

Наций и в силу международных договоров...

Однако, еще не высохли чернила на Лозанском договоре, как Италия уже совершила свое памятное нападение на Корфу. Лига должна была бы выступить против правонарушителя. Но этого не случилось. Наоборот, невинная жертва нападения, Греция, была присуждена «Конференцией Послов» заплатить 50 миллионов лир тем, кто без всякой ее вины, напал на нее.

Этот пример, показавший бессилие Лиги Наций, был для Турции серьезным предостережением.

Она в срочном порядке укрепила все подступы к демилитаризованной зоне. В 1932 г. она уже была в состоянии в течении каких-нибудь нескольких часов принять необходимые меры против опасности нападения. Однако, этот метод защиты был недостаточен.

Поэтому было вполне естественно, что Турция непременно воспользоваться случаем, который дал знаменитый английский проект разоружений. На майской сессии 1932 года Турция обратила внимание конференции по разоружению на всю непоследовательность 96-ой статьи этого проекта, ни одним словом не упоминавшей о проливах, между тем, как изобретенный в Лондоне новый принцип требовал радикального уничтожения всех военных пунктов конвенции о проливах.

Турция настойчиво подчеркивала, что выполнение требования о сокращении впредь калибра пушек береговой обороны до 406 мм. заставит ее пожертвовать имеющимися у нее средствами обороны. В замен уничтожения тяжелых орудий, она требовала соответствующей компенсации и сохранение свободы проливов. Единственная компенсация, по ее мнению, заключалась бы в том, чтобы уничтожить военные статьи Лозанского договора. При втором чтении прения по этому вопросу

были отложены. Они никогда больше не возобновлялись; ибо вскоре конференция по разоружению счастливым ходом событий оказалась загнанной в такой тупик, что вынуждена была отсрочить вообще все свои работы на неопределенное время.

Тем временем турецкая пресса, которая, как известно, не высказывается по таким вопросам не имея на то соответствующих директив единодушно, настаивала на вооружении проливов, ссылаясь на известные декларации Муссолини о необходимости для Италии расширить свои владения на Восток.

Интерпеллированный в Палате Общин, 11 июня 1934 года, сэр Джон Саймон, ответил, что он «только что получил заверение от г. Рюштю Арраса, что в настоящих обстоятельствах турецкое правительство не предполагает дать ход этому делу».

Несколькими днями позже, проездом через Софию, г. Рюштю Аррас высказался по этому поводу весьма ясно. Он заявил, что Турция чувствует себя достаточно сильной, чтобы, даже и без специальных укреплений, защитить Дарданельский пролив против всякой опасности. Он нисколько не затруднился признать, что Турция занята усилением средств национальной защиты, что она фабрикует аэропланы и строит подводные лодки. «Что же касается новых укреплений в проливах — то возведение их, если принять во внимание прогресс технических усовершенствований последних лет, означало бы бесполезную трату средств...»

Это заявление было по существу вполне лояльным признанием того факта, что Турция уже переступила через Лозанский договор.

С тех пор нарушения договоров вообще приняли эпидемический характер и Лига Наций всегда оказывалась бессильной что ни-

будь сделать и гарантии, данные ею всегда оставались без всякого эффекта.

События в Абиссинии, нарушения Версальского и Локарнского трактатов подтвердили бесполезность расчетов на моральный вес и значение жевевского международного института и бессилие его противопоставить силу действиям держав, решившихся на нарушение договоров.

Не подлежит сомнению, что четыре державы, взявшие на себя обязательство совместными силами обезопасить защиту проливов, найдут предлог для того, чтобы уклониться от выполнения данного обещания, если в возможном конфликте не будут затронуты их собственные интересы.

С совершенно исключительной ловкостью турецкое правительство использовало эти обстоятельства, чтобы потребовать права на вооружение демилитаризованной зоны.

Нота Турции от 11 апреля безощадна в отношении всех правонарушителей, различных пактов, договоров и гарантий и в смысле обоснования справедливости ее притязаний совершенно неопровержима.

Сообщая в Палате Общин о данном Великобританией согласи на пересмотр конвенции о проливах, г. А. Иден особо подчеркнул то обстоятельство, что г. Рюштю Аррас обещал великобританскому послу в Анкаре, что предстоящие дискуссии будут иметь своим предметом исключительно вопросы, касающиеся вооружения зоны, защищающей проливы. А. Иден конечно не обманывался относительно значения слов своего турецкого коллеги. Он отлично знал, что Турция добивалась аннулирования принципа интернационализации проливов, установленного в 1923 году, и признания за ней суверенных прав, которые позволили бы ей закрыть проливы для военных судов, по крайней мере в периоды полн-

тической смуты, и опасности, при чем единственным судьей в этом вопросе, разумеется, должна была оставаться сама Турция.

Конференция в Монтрэ еще не открылась в момент, когда пишется настоящая статья. Можно однако быть уверенным, что Турция добьется права на укрепление проливов. Следовательно никакие регламентации, которые будут выработаны, не помешают ей, в случае необходимости, сделать все, что ей заблагоразсудится.

Но конечно, делегаты держав, принимающих участие в конференции не премнут заняться всесторонним обсуждением всяких пунктов, как если бы обязательства, принимаемые на случай войны, должны быть действительно соблюдаемы теми, кто фактически занимает проливы.

Таким образом мы будем свидетелями споров, интриг и закулисных давлений, которые мы пытались проанализировать и которые занимали европейские кабинеты в течение больше чем 150 лет.

Правда, Австро - Венгрия больше не существует и у Франции нет в Турции никаких интересов, ни культурных, ни финансовых, ни экономических, требующих ее особой защиты, но она связана с черноморскими и дунайскими державами, которым она обязана обеспечить свободный доступ в проливы. Центральности наступивших перемен заключается в том факте, что на место прогнившей Османской империи пришло могущественное и независимое государство, которое таковым и останется, пока судьбы ее будут находиться в руках Ататурка.

Между тем всем известно как царская Россия страшилась возможности увидеть державу, владеющую проливами, обладательницей этих качеств. Советская Россия целиком разделяет эти опасения. Она стремилась к

тому, чтобы Черное море стало для ее судов открытым в обоих направлениях, но было закрытым для всех других народов. И как всегда, когда Турция чувствовала себя сильной, она этому воспротивится. Традиционным русским требованиям Великобритания противопоставит свою традицию и потребует, чтобы ни один русский военный корабль не мог пройти через проливы. И она сможет проявить в поддержании своих требований тем большую настойчивость, что Япония, заинтересованная в 1905 году только тем, чтобы помешать русскому флоту выйти из Черного моря, теперь в предвидении войны с советами, попытается добиться возможности вводить свои суда в это море.

Италия, вероятно, займет позицию противоположную той, на которой будет стоять Франция. Но может статься, что в конечном счете решающее влияние на мероприятия конференции окажет Германия.

Ея виды на Ближний Восток известны всем. На всех ответственных постах в Турции, как военных, так и гражданских, можно найти не мало сторонников Германии. Их влияние на общественное мнение страны и в особенности на умы молодежи, растет с каждым днем.

Правда Ататурк зорко следит за этими настроениями. Но будущее полно неизвестности и азиатцы попрежнему чувствительны к проявлению физической мощи и энергии.

Явное или скрытое господство Германии над проливами означало бы одинаковую опасность для России и для Англии. Эти два государства, которых в настоящее время многое разделяет, могут оказаться в одном лагере.

Конференция в Монтрэ может быть более или менее продолжительной и дать место различным манифестациям, но от этого работы

ея не изменят своего чисто теоретического характера. Последнее слово всегда останется за тем, кто занимает проливы.

Г-н Рюштю Аррас, как мы имели случай это отметить выше, уже в июне 1934 г. заявил, что Турция чувствует себя способной защищать проливы. Для имеющих уши чтобы слышать, это означает, что она уже в состоянии также и закрыть их по своему усмотрению.

То что верно когда Турция царил над демилитаризованной зоной, будет очевидно еще вернее, когда она ее вооружит.

При этих условиях все дискуссии, ноты и

подписи имеют весьма ограниченное значение.

Антагонизм между Англией и Россией дает возможность Турции добиться своей цели, противопоставив интересы этих держав друг другу.

Когда эти строки появятся в печати, результаты конференции будут конечно известны.

Те, кто считали, что достигнутая в Лозанне замена принципа закрытия проливов и их нейтрализации режимом интернационализации, является прогрессом, вероятно будут разочарованы.

Д. Миль.

Отрывные листки

«Просвещенные иностранцы» редко заглядывают вглубь кавказских ущелий, самостоятельно и без проводников. Еще реже удается им делиться в печати своими впечатлениями. Бывают, однако, и исключения. Так, совсем недавно в «Таймсе» помещены были две корреспонденции, первая из Тифлиса, вторая из Эривани, далеко не обычного свойства.

С Военно - Грузинской дороги автор — англичанин, владеющий русским языком — поднялся один, никем не сопровождаемый, в ингушские аулы, несмотря на предупреждение, что «это мусульманское племя по русски не говорит, разве сельский мулла знает несколько слов». Действительно, в первом селении жители любезно улыбались путешественнику, но объясниться с ними он не мог. В следующем ауле он нашел семь или восемь сторожевых башен и людей, способных кое-как понять его. К тому, что он англичанин,

отнеслись сначала недоверчиво. Приняли его за чиновника-коммуниста, присланного из Москвы. Недоумевали только, почему он без винтовки. Потом разговорились: «Есть у вас, в Англии, совет?» — спросили ингуши. — «Как, король? А нам говорили, что королей больше нет»... Корреспондент хочет показать всю первобытность быта ингушей. Он и не подозревает, что в этом диалоге не они простаки. Коммунисты ли они? Нет, они всего лишь бедные люди, жалования не получают... Впрочем, угостили его горячим кукурузным хлебом и сыром.

В правдивости и точности таких «моментальных снимков», сделанных в заброшенных аулах ущелья Армчи (около Джераховского укрепления), нельзя, конечно, сомневаться. Удивительно лишь то, что корреспонденту вся жизнь ингушей, совершенно ему неизвестных, рисуется в свете этих, в общем, случайных, впечатлений, очевидно недостаточных.

Действительно ли быт ингушей остался в такой степени незатронутым советской системой?

По этому поводу другой турист, также недавно побывавший на Кавказе, высказался там же, т. е. в «Таймсе», в том смысле, что едва ли это так. Он не блуждал, по дебрям Ингушетии; но имел спутником в пути от Орджоникидзе (Владикавказ) до Ростова-на-Дону молодого офицера - ингуша, члена коммунистической партии, человека весьма привлекательного, атлетического сложения и т. д., который, между прочим, пил и водку, и коньяк, не стесняясь количеством и нарушал, следовательно, правила мусульманской религии. Не может быть, заключает глубокомысленно автор письма, чтобы такие ингуши, возвращаясь на побывку в свои деревни, не вносили туда разных новшеств (при всей странности доказательств, догадка правильная!).

В незатронутых коммунизмом ингушах английский наблюдатель (речь теперь об основном корреспонденте), усмотрел своего рода крайность. Им он (весьма искусственно) противопоставляет «государственное Шадарлинское имение № 3» на пустынном плоскогории Армении, с клубом, больницей, яслями и ширдергартеном. Около тысячи акров виноградника, еще больше фруктовых садов и пр. Подобные имения встречаются и в Грузии, и на Северном Кавказе: всюду наблюдается улучшение, сравнительно с тем, что автор (сам, быть может, агроном) видел за четыре года до этой поездки. Причина? — управляющими назначают людей хозяйственных.

В Армении осуществляется, согласно плану, орошение безводной пустыни. К 1945 г. будет орошено 300.000 гектаров. В одном из отвоєванных уже для земледелия районов корреспондент видел армян-переселенцев из Франции: их дети говорили по-французски.

Взрослые занимались рытьем оросительного канала. В жилых помещениях, как видно, сильный недостаток: иногда три поколения спят в одной комнате. Переселенцы жаловались на недостаток помощи, оказываемой правительством (жалобщнику тут же досталось от начальника). В общем, однако, впечатление лихорадочной работы, «рождения вновь целой нации». Всяду строительство, всюду повторяют: вот приезжайте, посмотрите через год-два. Люди довольны, уверены в завтрашнем дне. Разумеется, эта работа была бы не мыслима без обильных дотаций, питаемых союзным бюджетом. Размер их, весьма значительный, объясняется тем, что в глазах союзной власти Армения, расположенная на границах Турции и Персии и богатая рудами, имеет для Союза чрезвычайно важное значение, стратегическое и промышленное. Так говорили корреспонденту начальствующие лица.

Картину настоящего национального возрождения подтверждает и упомянутый уже автор письма в редакцию английской газеты, впечатления которого тем интереснее, что Армении он посетил после продолжительного пребывания в Палестине: сравнение этих двух стран и их роста напрашивалось само собой.

На замечаниях нашего корреспондента о Грузии, кое в чем занятых, (сдержанное отношение к коммунизму, вольность суждений о земляке-диктаторе и пр.), нет надобности здесь останавливаться. Отзыв же о работе, кипящей в Армении, должен быть принят во внимание. Особенное значение имеет, между прочим, и то, что протекает она, эта работа, в непосредственном соседстве с турецкой границей. Но в то время, как из разных источников поступают сообщения, в общем, благоприятные, о планомерном строительстве в Армении, у нас совсем почти отсутствуют сведе-

ния о том, как в действительности складывается жизнь, практическая, хозяйственная, на другой, турецкой стороне той же границы.

Каковы успехи гражданственности в провинциях, уступленных советским правительством Турции? Как мы уже и раньше отмечали, было бы ошибкою думать, что там сплошная дичь и пустыня. Весь характер турецкого возрождения служит порукою, что это не так. Заметим, кстати, что при реформе местного управления Турции, образован новый вилайет Артавинский, из частей б. Батумской области. В нем три казы: Артвин, Шавшет и Юсуфели. Эрзерумский вилайет, к которому присоединен и бывший Ольтинский округ Карской области, ныне не граничит с Кавказом. Не граничит больше на Черноморском побережье с Грузией и б. санджак Лазистан Трапезундского вилайета, ныне образовавший особый небольшой вилайет Ризе. Карский вилайет с казами: Ардаган, Арпачай, Чилдыр, Геле, Кагызман, Карс, Посхов, Сарыкамыш (его площадь 14.438 кв. кил., население в 1927 г. 205.000 душ) есть главное приобретение Турции в этом краю. Б. Сурмалинский уезд Эриванской губ. образовал Игдырскую казу Баязитского вилайета (тоже нового). Населения в этих территориях насчитывалось всего 357.000 (1927 г.), в том числе в Артавинском вилайете 90 т., в казе Ольти 37 т., Игдыр — 25 т., в Карском вил., как уже сказано, 205 т. Заметим, при том, что в Артавинском вилайете армян показано *два*, в Карском — двадцать один. Грузины и вовсе не упоминаются (их нет в официальной номенклатуре). — В общем, созданием новых вилайетов администрация приближена к населению, но общий характер этих новых провинций, должно быть, тот же, что и прежде, т. е. окраинно - провинциальный.

На турецкой стороне кордона нет основа-

ния, и было бы преждевременно, искать таких новых и быстро растущих поселений, как современная Эривань, собственно ее новая половина, «с широкими бульварами, кварталами жилых домов, университетским городком (16 факультетов, несколько тысяч студентов), промышленным районом с производствами стальным, химическим и искусственного каучука».

Возникновение такого центра почти у подножия Арарата, показывает, во всяком случае, что исконная строительная энергия армянского народа нашла себе достойное применение, в формах современных и, при том, на родной почве. Но, в результате военных событий и политических переворотов 1914-1922 г.г., совершенно видоизменилась вся политическая обстановка кавказско-турецкого рубежа. Рухнула самая основа армянского ирредентизма, понимавшегося как воссоединение турецкой Армении с кавказской, в сплетении с мотивами российской завоевательной политики: рухнула потому, что нет более турецкой Армении. Вдобавок, если не на всегда, то на некоторое, быть может, продолжительное время, притих антагонизм российско-турецкий. Армянская же республика развивается, видимо, по линии интенсивного освоения наличных земельных пространств и увеличения их емкости с помощью орошения и других мелиораций, а не под знаменем территориальных домогательств и пережиточных историко-политических построений. С точки зрения обще-кавказской такой оборот дела должен оказаться плодотворным. Соседи армян в том же положении, и работа их строится на тех же основаниях. Если даже допустить, что это происходит по неволе, то, значит... нет худшего без добра.

„Север“ и „Юг“

(К АРМЯНО-ГРУЗИНСКОМУ УНИОНУ)

Затея некоторых наших соотечественников — армян и грузин — сама по себе нас не интересует. Всякая инициатива, всякий «унион» в целях взаимного ознакомления и сближения между народами Кавказа заслуживает положительного внимания и одобрения со стороны всех нас. Но затея «униона» переходит далеко за грани задач взаимного сближения и взаимного ознакомления и претендует быть актом большого политического веса и характера. Таковым ей трудно быть — для этого у «униона» нет оправдания в нашем прошлом и настоящем, ни смысла для нашего будущего. В этом направлении говорить об этой затее безпредметно и безцельно.

Но декларация унионистов и их печатные и устные выступления содержат целый ряд исторических выводов и обобщений, политических гипотез и положений, которые в наше сложное и ответственное время могут быть поняты и использованы только во вред нам. Илзненно необходимое дело нашего объединения требует чуткого и вдумчивого отношения к фактам и явлениям как положительного, так и отрицательного характера.

Исторического обоснования и оправдания своих политических положений и претсизий декларация унионистов ищет в глубокой дали армяно-грузинского прошлого и философию нашей междувародно-исторической формации фатально ограничивает отношениями между «Севером и Югом». Последнее — главное и пожалуй самое интересное в построениях унионистов. На нем в особенности мы и хотим остановиться.

Исторические обобщения — вещь весьма ценная и вместе с тем весьма сложная. Они выгодно расширяют кругозор наблюдателя, но беда немалая для политического исследователя, когда они в его умозрении оседают тяжелыми неизменными формулами вне пространства и времени, вне исторической обстановки, вне соотношения сил и идей, в которых они действовали и влияли.

Едва ли самые крупные попытки объединения Кавказа, еще со времен легендарного Таргамоса, строились, иногда не без успеха, только на исторических данных. Для царя Давида-Стронителя, для царицы Тамары, для их кавказской политики, слагаемыми были факторы, еще не получившие своей исторической преемственности и последовательности. Для нас весьма важным рубежом является приход и владычество старой России; после этого — наши дни, с начала великой войны. Обе эти эпохи связаны неразрывностью задач и национальных целей, преследуемых Севером, Югом и нами, но различными идеями и действиями, которыми эти цели прикрываются и осуществляются.

Задачи и цели Севера — агрессивное шествие (через нас) на Юг к теплым морям; задачи Юга — найти оборонительную линию и силы против безостановочного натиска агрессивного Севера; наши же цели и задачи — сохранение нашей национальной самобытности, этнографического и географического лица и единого тела Кавказа. Эти чаяния, жившие в глубине народного сознания более или менее смутно, находили временами, и ча-

сто неудачно, свое выражение в наших интеллигентских политических идеологиях, чаще же вырывались в форме народных волнений, являвшихся инстинктивным протестом закабаленных масс против национального обезличения.

Великая война создает для этих трех политических сил новые положения и формы, вводит в игру новые силы, расширяет международную заинтересованность на этом исключительно важном стыке Европы и Азии, выдвигает новые идеи для покрытия старых задач и стремлений.

Война обнаруживает несостоятельность царского Севера удержать единство империи и, раздавив кавказскую преграду, довести свои агрессивные задачи на Юге до конца. Все формы и отношения, социально - классовый уклад и структура царской России, основы ее государственности и политические идеи внутри и вовне оказываются изжитыми и выветрившимися в действии времен. Знаменитая формула «православие, самодержавие, народность» внутри и «панславизм» во вне, несмотря на некоторые формальные поправки продиктованные временем, не выдерживают крещения огнем, и искусственное здание огромной империи разсыпается во прах.

Те же результаты на Юге. Халифатская империя, с ее громадными территориями, с ее многоплеменными народами, оказывается явно несостоятельной обороняться от Севера. Обе эти силы — и Север и Юг — сознают ошибки прошлого и пытаются возродить мощь их стран на новых началах.

Русский Ленин организует Россию, пользуясь новыми идеями. Единство империи он хочет удержать одной партией — коммунистической, одной верой — ленинизмом и декларацией свободы народов. Внешний лозунг — панславизм — он заменяет лозунгом

«мирового братства» через мировую революцию, через разрушение мировых преград, т.е. существующего мира. Внутри, вместо устаревших привилегированных классов, выводит он на сцену «действия масс»; то вне вместо славян зовет он мировые массы угнетенных, расширяя агрессивно империалистические цели России вплоть до мирового владычества. Разрушительные, направленные к полному национальному уничтожению многих миллионов нерусских народов, цели царской России облекаются в еще более гибельные формы и получают новые силы для их выполнения.

В Турции гений Мустафы Кемаль Паши организует и спасает народ, находящийся на краю явной гибели, на началах народности и ее национальных сил. Он отказывается от мирового фактора и элемента ненационального в Османской империи — от Халифатства — и не проявляет ни малейшего стремления в какой либо форме или, по примеру и наподобие Севера, под прикрытием какой либо идеи сохранить претензии на старые османские владения. В сравнительно весьма короткий срок эти бывшие владения Османской империи оформившись и окрепши вырастают в независимые или мандатные национальные государства, и с ними новая Турция, как равная с равными, входит в договорные отношения. Особенности внутреннего строя роли не играют. Сектантско-религиозная вахабитская Аравия не задумывается затмить свою пуританскую чистоту союзом с ультра светской Турцией мало религиозного Ататурка. Границы нового союза, нового Юга, в одну сторону через Персию и Афганистан, доходят и упираются в сердце Азии, а другим своим крылом через национальный Египет, стремятся распространить союзную эканалсию далеко и на другие народы, а через союз балканских государств и Лигу Наций ищут об-

повлечения отношений с Европой. Здравый национальный смысл лежит в основе этого союза и этих исканий. Большая и очень осмысленно проводимая европеизация и реформы внутренней жизни еще больше укреплению и усиливают значение этого явления и ставят нас перед абсолютно новым фактором громадного исторического значения. Фактор этот не может не оказать своего влияния на изменение взаимоотношений с Севером. Север никогда не имел против себя объединенного Юга. Общность религии не создала объединения и общей политики. Наш век, век национальной идеи, создает здравый национальный смысл, чего не могла исторически создать религия.

В нашем отчаянно-сложном положении, когда Север заложил нам все пути к международному выходу, когда в эти дни общего и радикального пересмотра международных отношений и перегруппировок, этот Север замуровал нас в полном смысле этого слова, было бы по меньшей мере неразумно и безответственно не видеть этого фактора и продолжая мыслить устаревшими формами не проявить воли стать на новые пути, способные вывести нас из того тупика, куда нас фатально толкает Москва.

Война раскрыла конечно и наши недуги и всю несостоятельность господствовавших среди нас на Кавказе политических идей. Она дала нам возможность национальной независимости от Севера и Юга и потребовала от нас устройства нашей политической жизни на началах национального возрождения каждого из нас и национального объединения на началах взаимного понимания и уважения. Она заставила пересмотреть как наши внутренние отношения, так и отношения к Северу и Югу, сложившиеся за сто лет, когда мы были только объектом политики Севера к Югу. Ошиб-

ки и слабости наши, которыми так удачно пользовался враг, лежали перед нами явно и открыто. На некоторых из них стоит остановиться, ибо видимо, здесь в эмиграции по крайней мере, мы не совсем освободились от них.

Основным нашим недугом и нашей слабостью был наш разброд и желание использовать чужеземную силу, в данном случае Север, в наших междусоседских кавказских отношениях. Мы не смогли создать не только общекавказского объединения для борьбы за единый независимый Кавказ, но даже самой идеи этой борьбы. У нас не было ни идеи Кавказа, ни продиктованного ею плана действий. Мы как то даже не заметили наличия у нас общего врага и не смогли прийти к соглашению в оценке Севера и нас. Не замечали и общности и неразрывности нашей судьбы. Временные эгоистические выгоды и поощрение властей предержавших ослепляли тех из нас, у кого эти власти попеременно искали опоры. В каком то циничном увлечении не замечали мы, что все эти поблажки и подачки давались временно и за счет жертв, приносимых другими.

Разве нет основания утверждать, что сравнительно либеральная эпоха Воронцова, давшая возможность возродиться такому культурно - национальному фактору, каким был грузинский театр, совпала с днями самой активной борьбы и громадной жертвенности наших северных братьев? Разве наделение одних землями из соседнего фонда не создаст черных дней для других? Разве необходимость «замирения», т. е. необходимость сломить окончательно сопротивление тех же горцев не оттянула акт конфискации армянского церковного имущества — фактора столь решающего национального значения? Еще больше ухудшилось дело, еще с большим усер-

днем одни из нас стали рыть могилу другим, когда тактика прямого сопротивления и активного действия против Севера сменилась иного рода «опозицией» Северу и движениями иного характера. Эпоха появления у нас интернационально - социалистического движения заглушила не только обще-кавказскую идею, но затемнила в каждом из нас даже идею и цели национальной жизни и борьбы, направив нашу энергию в широкое русло обще русской реки во имя идей и целей русской демократии, во имя обновления Севера.

Во внутренних наших отношениях эта печальная эпоха была ознаменована тем, что мы перестали говорить с Россией, как народ с народом, еще больше дробя и общность наших кавказских интересов и общую нашу идею, внося в междусоседские отношения заимствованные у русской социал-демократии принципы и атмосферу классовой борьбы со всеми ее разрушающими и разлагающими последствиями. Это сильно запутавшее и осложнившее проблему наших отношений к Северу явление имело весьма пагубное последствие для Кавказа и для каждого из нас. Дело Севера нашло своих добровольных поборников в нашей среде слева в лице марксистов, социалистов-революционеров и тому подобной братии. Вступая в ряды русских партий, принимая их цели и задачи, они зовут туда и народ, подвергая все остальное анафеме. Скромное

требование культурной самостоятельности (автономии) объявляется делом врагов народа! Теория классовой борьбы превращается у нас в бессмысленное возмущение черни против всего национального. И словом, и в печати поборники русской социалистической демократии ведут ожесточенную борьбу против всех носителей национальной мысли и творцов национального и кавказского дела. Нередко анонимная рука из черни приводит в исполнение вынесенный ими преступный приговор. Так Грузия лишается Ильи Чавчавадзе, за ним идут Урбнели и целый ряд служителей национального грузинского общекавказского дела. И это на заре новой эры, начавшейся под влиянием разгрома царской России на Дальнем Востоке. Внутренняя жизнь дает трещины, а на горизонте международных отношений показываются силуэты и факторы, не имевшие до того времени места в учете сил, влиявших на нашу судьбу. Наш ближайший предшественник по национальной эмиграции Георгий Деканозизишвили делает попытку вынести нашу судьбу из заколдованных рам Севера и Юга. Ему удастся вызвать некоторый интерес к Кавказской проблеме в Японии. Но агенты русского революционного социализма и тут оказываются на стороне Севера.

Шалва Карумидзе.

(Продолжение следует).

Кавказ между Севером и Югом

2*)

В предыдущем номере «Кавказа» мы указали на то, что в историческом прошлом се-

веро-кавказцы всегда приходили на помощь южным кавказцам. До настоящего времени не было случая, чтобы в этом отношении северо-кавказцы чем либо могли бы дать место со-

*) См. «Кавказ» ном. 6-7/30-31.

мнениям в их кавказском патриотизме. Тем не менее по какой-то непонятной причине в некоторых армяно-грузинских кругах наш горячий кавказский патриотизм вызывает недоверие. Этим недоверием вызвано образование так называемого армяно-грузинского унииона.

Между тем причина несчастий, посыпавшихся на Грузию находится вовсе не там, где ее видят деятели армяно-грузинского унииона.

Корень зла, по собственному признанию царя Ираклия II, заключается в том, что под влиянием общности религии и религиозных побуждений цари Грузии русской эпохи хотели оторвать Грузию от родной почвы и пристегнуть ее через три-девять земель к западному христианскому миру посредством органической связи с православной Русью.

Именно православие грузинских царей играло если и не доминирующую, то во всяком случае очень важную роль в их политике. Такую же пагубную роль сыграло оно на Северном Кавказе, где часть осетин исповедуют православие; здесь пострадавшими и жертвами русской политики нужно считать в первую голову осетин, как на Южном Кавказе — грузин.

У меня, не сведущего в грузинской истории, на основании материала, представленного нам Д. Вачнадзе, добросовестно складывается впечатление, что не исламские народы Кавказа и не их исламские соседи создавали враждебное окружение вокруг Грузии, а грузинские православные цари создавали враждебное окружение против Кавказа и его соседей. В этой политике, как показала история, цари Грузии вполне преуспели, их православная ориентация привела к тому, что Грузия, как таковой не стало. Из нее сделали две обыкновенные русские губернии. Термин «Грузия» был тщательно изъят из обра-

щения, погубив его родную Грузию; политика эта погубила и весь Кавказ, а южным соседям нанесла смертельный удар на целые века, поставив их в непосредственное соседство с могущественной и агрессивной империей.

В наши дни, когда с уходом России в 1918 году Грузия возродилась к новой государственной жизни, ошибка, которую совершили последние цари Грузии, вновь повторилась.

Оказавшиеся у власти грузинские меньшевики не вспомнили об истории Грузии (они впрочем и не интересовались ею) и так же, как последние цари, совсем забыли о своих тысячелетних соседях и устремились на далекий Запад. «Фанатикам Востока мы предпочитаем империалистов Запада», — заявил г. Жордания...

Меньшевицкий опыт, как и следовало ожидать, оказался плачевным. Так же, как при царях, политика, продиктованная чуждой историческим условиям и быту Грузии социалистической религией, привела к тем же результатам: гибели Грузии и всего Кавказа.

В свете этих событий, невольно встает вопрос: было ли поведение Турции в событиях 1920-21 годов отчасти продиктованным пребыванием у власти в Грузии меньшевиков и их ориентацией на далекий и чуждый нам II Интернационал?

И вот теперь в третий раз мы подходим к историческим событиям, когда, надо надеяться, Кавказ, а вместе с ним и Грузия, снова получают возможность обрести свою независимость. В такой момент, в скорое наступление которого мы верим, вопрос о том, на кого ориентироваться, для кавказских народов является вопросом жизни и смерти.

Дело вовсе не в том, что одни из нас христиане, а другие мусульмане. В Египте и в Сирии не мало христиан, но они все чувствуют себя арабами. Есть христиане и в Китае

и в Японии, но все они азиаты. Кавказским народам надо тоже найти свое место на земле. Например, Д. Вачнадзе и некоторые другие кавказцы остро ощущают желтую опасность, как с Дальнего Востока, так и со стороны нашего Юга, таким образом, эта группа кавказцев определенно хочет сделать Кавказ страной Запада или во всяком случае связать судьбы Кавказа с Западом; не требуется никаких толкований, чтобы понять, что эта группа кавказцев фатально и автоматически скользит на путь, столько раз уже испробованный последними грузинскими царями и погубивший Грузию и весь Кавказ, путь вновь повторенный через 116 лет меньшевиками и приведший к тем же печальным результатам.

Даст ли этот путь иные результаты теперь, когда грядущие события снова и внезапно могут нас поставить перед дилеммой: идти на Запад через Россию или без России, или оставаться в своей географии, в своем историческом русле.

Объективные данные не оставляют места ни для каких иллюзий, что на этот раз ориентация на западный, но уже едва ли христианский, мир может принести Кавказу и Грузии свободу и независимость.

К большой нашей радости мы можем констатировать, что кавказские народы необыкновенно выросли. Кавказская политическая мысль сегодня не так примитивна, как разсуждают здесь наши противники.

По нашей мысли кавказские народы были бы обречены, если бы не прониклись своим собственным почвенным патриотизмом. Таким образом прежде всего мы должны ориентироваться на самих себя. За пределами же Кавказа у нас есть более близкие соседи, чем Западная Европа и Россия. Эти ближайшие соседи с юга и юго-востока — Турция и Персия, с севера казачество, Украин-

на и с востока Туркестан. Обстоятельство это нужно иметь в виду потому что Кавказ географически, исторически и культурно является страной скорее востока, чем запада. Отсюда ясно, что всякая ориентация на запад или на север, есть уход от родной почвы, а такой уход, как показала история Грузии, всегда кончается плохо.

В этом отношении армяне, мнение которых выражает Джамалия, пожалуй последовательнее и патристичнее, грузин толка Вачнадзе. Эти армяне, по крайней мере объявляют одинаково врагом и север и юг и прочно связались с юго-востоком, т. е. с Персией. Д. Вачнадзе всех сложил в одну кучу, выделив север, которого, несмотря на все делаемые ему упреки, нигде в своей брошюре врагом не считает. Не оттого ли, что юг и юго-восток — мусульмане, а север — православный?

Думаю, что вопрос не в этом, а в том, чтобы раз и навсегда установить, что за страна Грузия: западная или восточная. Если окажется, что она мыслит себя только народом западно-европейской культуры, и, подобно Жордания, и его адептам, как из марксистов, так и из «националистов», отталкивается от востока, то можно серьезно опасаться за судьбу Кавказа. Если же грузинский народ признает себя народом востока, или точнее народом, естественно впитавшим в себя соки скрещивающихся на Кавказе двух великих мировых культур, то мы все легко найдем общий язык и легко сможем установить и общую политическую линию. В этом отношении армяне у меня не вызывают сомнения. Армяне — народ востока, и от востока, мне кажется, им не уйти, если бы даже этого очень хотелось некоторым теоретикам.

Я, например, как горец, как осетин, несмотря на мой «индо-европеизм», чувствую себя человеком востока. Таковыми считаю и

всех других горцев и всех грузин; достаточно вслушаться в грузинскую музыку, вдуматься в мелодии Шота Руставели, чтобы с этим согласиться. Но были и есть в Грузии политические круги, не считавшие себя и Грузию страной востока и это погубило и Грузию и весь Кавказ. Вопрос этот мне представляется чрезвычайно важным и не только с научной точки зрения, но и для наших политических целей, поэтому было бы не бесполезно, если бы его осветили более компетентные люди.

Грузия и Армения столетиями живут бок о бок с Турцией и Персией. На заре нашей истории не только народы Кавказа, но и во всем мире все народы вели между собою безконечные войны. Вели войны не только различные народы друг с другом, но и роды одного и того же народа. Естественно, что и народы Кавказа и их соседи прошли через довольно продолжительную эпоху взаимных раздоров и войн. Но войны эти не уничтожили ни наших народов, ни их независимости, как о том справедливо пишет грузинское дворянство в своей записке от 21 июля 1862 года генералу Гулякову: «Султаны и шахы нас покоряли, но никогда они не отменяли у нас царского звания»... (стр. 27. Вачнадзе). Тем не менее это прошлое очень пугает многих грузин и армян. Между тем, если мы не погибли от наших соседей на протяжении тысячелетий, то несравненно меньше опасностей представляют они для нас теперь. Во первых потому, что наш юг теперь не тот, что был в далеком прошлом. Страны юга и юго-востока модернизируются. Оставаясь народами востока, они от запада берут все, что полезно и в некоторых отношениях сегодня уже сомнительно, кто больше «западники»: грузины — толка Вачнадзе или турки — кемалисты.

Завоевательные войны турецких султанов, до сих пор пугающие Вачнадзе, осуждены новыми вождями турецкого народа. Вся Европа признает сегодня Турцию одним из важнейших факторов мира на Балканах и Ближнем Востоке.

Благодаря гению Мустафа Кемала, турецкий народ прекрасно понял, что завоевательные войны султанов и расовое и религиозное ненавистничество, едва не погубившие Турцию, были причиной роковой слабости Османской империи.

Аттатурк освободил Турцию от религиозного фанатизма, отделив церковь от государства и создав национальное государство. Он провозгласил лозунг: «ни одного араба, ни одного славянина в Турции!» Этот новый национально-политический принцип является краеугольным камнем всей его борьбы за освобождение Турции, а затем и всей его внутренней созидательной политики.

По единодушному мнению всех иностранцев, изучающих новую Турцию, принцип этот, последовательно проводимый, имел решающее значение в победе Мустафы Кемала.

Вся политика новой Турции направлена к тому, чтобы елико возможно не иметь у себя национальных меньшинств и это Мустафа Кемаль осуществил почти в полной мере, с одной стороны путем отказа от притязаний на бывшие турецкие территории с нетурецким населением, а с другой путем обмена национальностей, не бывалого до сего времени прецедента, проведенного по Лозанскому договору. «Турция для турок и никого больше мы не хотим», — заявляет вождь современной Турции. Чтобы еще больше подчеркнуть однородный национальный характер Турции и отказ от старой империалистической политики султанов, Мустафа Кемаль отбросил самое название «Османской империи» и переиме-

повал свою страну в «Турецкую республику». Вот события, развернувшиеся на наших глазах и продолжающие еще развиваться в духе укрепления принципов, положенных в их основание.

Д. Вачнадзе договорился до того, что убеждает нас поверить нелепой фантазии, анонимных сеятелей смуты, что будто бы Турция согласилась на роль советского жандарма на Кавказе в случае военного столкновения советов с какой-нибудь великой державой.

Мы же, на страницах журнала «Кавказ» изо дня в день утверждали, что турецко-советская дружба временная, что она продиктована преходящими политическими условиями и что неизбежно наступит день, когда эта дружба кончится.

Теперь, после конференции о проливах, когда вся мировая печать отметила начало конца этой дружбы, готовы ли друзья Вачнадзе признать, что и секретный договор «о турецком жандарме на Кавказе» и прочая галиматья оказались бреднями не в меру разыгравшейся... злонамеренной фантазии?

После всего этого уместно будет поставить вопрос, есть ли данные опасаться нам этой Турции? Вопрос этот я задавал неоднократно всем знающим и изучающим Турцию иностранцам, которых я иногда встречаю.

Среди них я встречал туркофилов не очень много, но на мой вопрос все неизменно мне отвечали: «Никаких опасений Турция для Кавказа не представляет. Мустафа Кемаль не желает иметь дела у себя дома ни с кавказцами, ни со славянами». — Это взрывчатые вещества, угрожающие целостности и безопасности государства, — говорит якобы Мустафа Кемаль.

Эта политика Мустафы Кемалья более или менее общезвестна. Но Мустафа Кемаль не вечен и естественны опасения некоторых

кавказцев, что с исчезновением с политической сцены Турции Кемалья могут измениться и цели турецкой политики.

Конечно, ничего абсолютно постоянного в мире нет, тем более в политике и сумерки турецко-советской дружбы, наступление которых мы всегда предсказывали, лишнее тому доказательство. Дружба Турции с советами, если не кончилась, то во всяком случае дала глубокие трещины и нужно быть слепым, чтобы не видеть, что Турция нащупывает новые пути своей внешней политики.

Но есть вещи, от которых Турция, пока она будет существовать, ни теперь, ни в будущем никогда уже не откажется.

По существу за последние два с половиной века Турция не была такой сильной, как теперь, после ограничения своей территории и политических задач чисто национальными рамками. Никогда она не имела также случая пожинать такие богатые плоды мирного гражданского строительства, как за последние 10-12 лет. Мустафа Кемаль и его сотрудники отлично понимают, что новая попытка раздвинуть существующие границы могла бы кончиться для Турции катастрофой. Это было бы к тому же ничем не оправданным отказом от того мудрого принципа, который привел Кемалья к победе, а именно: ни одного араба, ни одного славянина в Турции.

А разве какой-нибудь кавказец был бы для Турции лучше араба? Турция не может броситься в такую авантюру так же, как не может вернуться к чадре.

Но изложенное положение вещей в Турции как будто не уменьшило числа наших азербейджанских пантюрьяксистов и по странному совпадению все они находятся в одном и том же фронте с Вачнадзе. Парадоксальный факт, над которым не мешает призадуматься... К сведению последнего и его единомыш-

ленников можно сообщить, что все эти пантюркисты весьма разочарованы политикой Кемалья. Кемаль их признает всего лишь турками, но не турками и некоторых из них, проявивших усердие не по разуму, но искренность которых к тому же была весьма сомнительна. Кемаль просто выкинул воп из Турции. Вот с ними то Вачнадзе и связал свою судьбу. Разумеется разочарование было неминуемо. Разочаровавшись же в своих собственных попутчиках, он теперь готов видеть во всех нас турецких эмиссаров. Между тем мы его долго и терпеливо уговаривали не уходить от нас и от нашей кавказской позиции. К сожалению нам не удалось его удержать и теперь он, что называется, договорился. От ярого кавказского конфедералиста докатился до «армяно-грузинского союза». Не трудно видеть, что в борьбе за объединение Кавказа шаг сделан назад, причем очень скверный и вредный.

Возвращаясь к положению наших пантюркистов, нужно заметить, что пантюркизм этих немногих людей, которые впрочем выступали по сезону и панирианистами и интернационалистами, на судьбах Кавказа едва ли отразится. Подлинные интересы Турции диктуют ей другую политику в отношении Кавказа. Верно и то, что в настоящее время Турция не делает нам никакой улыбки. Это, конечно, не значит, что она не знает Кавказа и его политических чаяний, но надо быть справедливыми, такие выступления, как доклад и брошюра Вачнадзе навязывают Кавказу врага там, где его и формально и по существу нет и быть не может. Читатель может сам судить, что позиция «Кавказа» по отношению к Турции была правильной. Ветры в Турции меняются и гораздо быстрее, чем это можно

было ожидать. Мы верим, что новые ветры в Турции не будут против Кавказа, ибо жизненные интересы независимого Кавказа и Турции совпадают во всех точках.

Было время, и не так давно, когда и Вачнадзе, вместе с нами, стоял на этой же позиции. Судьба перебросила его в меньшевистский лагерь и здесь, разочаровавшись в своих азербайджанских и горских партнерах, он стал искать сближения с армянами. Дело это очень хорошее. Вот уже полтора десятка лет мы ломаем копыя все, чтобы сблизиться нам всем с армянами, и кроме благодарности ничего бы не заслужил Вачнадзе, если бы это братание армян и грузин происходило в обществе всех других кавказских народов. Принимая же во внимание, что наше разногласие с армянами, заключается в том, что мы не только отказываемся признать Турцию врагом Кавказа, но, наоборот, считаем, что дружба с ней есть *conditio sine qua non*, нашей независимости, не трудно догадаться, что Вачнадзе и его товарищи из меньшевистско-мусаватского фронта в этом вопросе армянам уступили. Доклад его и брошюра имели своим назначением оправдать эту новую позицию некоторых грузин. Однако, политическая хроника грузино - русских отношений, данная Вачнадзе, целиком, от начала и до конца, говорит против России и против его же выводов. Таким образом, к большому моему огорчению, приходится констатировать, что мой друг Вачнадзе поставил себя в положение гоголевской унтер-офицерской вдовы, которая, как известно, сама себя высекла.

Так создан армяно-грузинский союз.

Тамбий Елекхоти.

(Продолжение следует).

Тяга к Азии

(ПИСЬМО ИЗ ХАРБИНА)

В то время, как некоторые наши кавказские политические группы и отдельные деятели находящиеся в Европе, выбиваются из сил, дабы доказать европейцам, что «собственно говоря, Кавказ не Азия, а Европа»; когда известные элементы из той или иной этнической группы извращенными цитатами из «историков» и ложными ссылками на «общность крови» с теми или иными европейскими народами, желают выторговать «привилегию» присосаться к «западной демократии», сами русские, наши европейские порабителли, здесь, охотно отнекиваются от их «европеизма» и льнут к обширной семье азиатских народов.

На днях здесь происходило собрание, устроенное по инициативе общества Се-хе-хой (ставящего целью борьбу с коммунизмом и другими вредными явлениями модернистских идей во имя восстановления славных азиатских традиций уважения семьи, верований, обычаев и т. д.), а также и бюро российских эмигрантов. Кавказцы, присутствовавшие на этом собрании, выслушали не мало ораторов из русских, которые с «остервенением», можно сказать, говорили о Европе и декларировали свое чисто азиатское profession de foi.

«С Западной Европой нам не по дороге, — провозгласил один из ораторов, Глебов, — она достаточно выявила свое лицо, в отношении нас, русских, в эпоху войны и нашей революции, чтобы искать там какой либо помощи.

Мы должны повернуться лицом на Восток и там искать помощи»...

«Вся внешняя политика России постоянно служила не нашим, русским, интересам, но интересам Европы. За весь промежуток времени с самого начала 18-го столетия и по 1914 г., Россия бросала свои силы для разрешения международных споров в Западную Европу. За малым исключением хотя успех и сопутствовал русской армии, но результаты получались самые неожиданные — русские победы неизменно превращались в поражения».

«Ловкие дипломаты Европы», вырывали плоды побед из рук русских.

Далее оратор, говоря об усилении Японии, продолжал:

Создалась своего рода теория Монро, сводящаяся к принципу «Азия для азиатов». Европа всегда считала русских азиатами. *Теперь это оказалось козырем в наших руках. С Азией мы связаны более тесными узами, чем с европейцами*, поэтому мы должны идти с ними не только для нашего спасения, но и для спасения всего человечества».

Другой оратор, Давыдов, прямо заявил:

«Рано или поздно здоровая государственность Востока впрямую столкнется с коммунизмом и мы, русские, должны приготовиться к этому. *Мы должны усвоить и понять, сделать для себя родными высокие моральные учения Востока*, которые придут на смену коммунизму. Увлечение идеями Запада погубило Россию, и мы должны это помнить. Сейчас, в тесном контакте с Азией, русские должны создать заново свою родину».

Оратор много раз повторяет необходимость

для русских «усвоить идеологию Востока». — «Мы, русские, — говорил он еще, — если хотим добиться своей цели освобождения нашей родины от красного зверя, должны влиться целиком в мощный поток пан-азиатского движения».

На этом собрании были произнесены речи и со стороны руководителей о-ва Се-хе-хой, японцев и маджурцев.

«Мы верим, — сказал между прочим, г. Муракава, начальник управления Гоньцзянского сектора, на прекрасном русском языке, — мы верим, что русская эмиграция принесет высокие гуманные идеи Востока на свою замученную родину».

Другой оратор, г. Като, начальник информационного отдела Се-хе-хой, обращаясь к собранию, также на прекрасном русском языке, сказал:

— Япония, вставшая на защиту угнетенных народов Азии, помогла созданию Манчжу-Ти-Го, который выходит сегодня на мировую политическую арену. Это — первый этап; второй наш этап — это распространение здоровых государственных идей взамен ложных идей коммунизма. Се-хе-хой, как единственная государственная организация, созданная взамен всяких партий и парламента, встает на путь активной пропаганды здоровых моральных идей Востока против гнусной работы Коминтерна.

Обращали внимание публики разные лозунги, красовавшиеся на стенах перед зрителями: «С Востока свет и мир», «Азия — родина человечества», «Азия — родина религий и философии», «Азия — родина великих принципов Вай-Дао», «Азия — родина яматозма», «Азия — пункт, откуда исходит свет и сила, способная обновить человечество» и т. д.

Вот под какими лозунгами стягивается

теперь здешняя русская эмиграция. Значит ли это, что здешние политические деятели, исходя из этих основных идей, признают право самоопределения для многочисленных азиатских народов подвластных их бывшей империи? К сожалению, некоторые нотки раздающиеся иногда со страниц здешних, выходящих на русском языке газет, не позволяют допустить таких оптимистических предположений. Здесь, к несчастью, все еще господствует старая избитая «тема» об «общности» российской родины для всех, критикуются часто «сепаратические тенденции» кавказцев, украинцев, татар и пр. Хотя, правда, образ действий некоторых элементов вышеназванных народов, дает лишний повод русской эмиграции, более сильной и организованной — и активной — выступать с такими заявлениями (история с приездом Гаяза Исхаки и пр.), где сепаратистские круги выставляются как бы даже «вредным явлением» для успешности борьбы с большевиками: они, мол, мешают «объединенной борьбе российской эмиграции».

Но самый факт перехода русских людей в лоно столь пренебрежительно третировавшейся когда то русскими, «азиатчины» — весьма интересен. Если это движение будет искренно проводить в жизнь выкинутые им лозунги, оно может быть чревато серьезными и благотворными последствиями не только для сплочения антисоветских сил, но и для всего дальнейшего хода дел на Дальнем Востоке.

Весь вопрос в том: насколько искренна в устах русских людей эта «вера в Азию»?

Г. Л.—м.

P. S. Как пример попыток возрождения азиатской культуры и азиатской солидарности, приведем обращение премьер-министра Афганистана к правительству Японии с прось-

бой помочь учредить в Афганистане учебные заведения типа японских. Таким образом, Япония начинает вытеснять западные страны в деле просвещения и технической подготовки некоторых азиатских стран.

Обращая на эту миссию большое внимание, японские круги расширяют свои органы культурной связи со странами Азии. Число студентов азиатов, прибывающих в Японию для усовершенствования своих университетских или специальных знаний, все более и более увеличивается. В Токио строятся специальные помещения для приема этих студентов.

*
**

В здешних политических кругах уверяют, что японское правительство решило представить державам свой план установления постоянного международного мира. Говорят, что правительство Токио предложит всем державам, прежде всего, урегулировать между со-

бой вопросы территориального характера, а также и равномерного распределения источников естественных богатств, полагая, что именно эти «проклятые» вопросы служат в настоящее время главными причинами возникновения конфликтов.

Предпосылкой к установлению мирного сотрудничества народов на новых принципах, японское правительство выдвигает лозунг — «уважение и осуществление священного права на существование для каждого народа».

Японские круги считают, что эти принципы более жизненны чем словопрениия Лиги Наций, несчитающейся со многими особенностями и условиями более половины земного шара.

Разумеется, объясняют здесь, право на самоопределение распространяется и на малые народы угнетаемые большими... Излишне подчеркивать насколько осуществление этого плана было бы важно для нас, кавказцев.

Г. Л.

Самоубийство А. Г. Ханджяна

9 июля покончил с собой пресловутый Ханджяна, один из маленьких «божков» Закавказья, секретарь ЦК коммунистической партии Армении. Как видно из официальной версии, извещающей об этом акте, «Ханджян в своей работе за последнее время допустил ряд политических ошибок, выразившихся в недостаточной бдительности в деле разоблачения националистических и контрреволюционных троцкистских элементов».

Затем, Ханджян, оказывается, болел туберкулезом. По крайней мере так объявляет Заккрайком и Ц.К.К.П. Армении повторит

версию в идентичных выражениях.

Конечно, отсутствие свободы слова и печати в «самой наидемократической стране», лишает нас возможности судить о действительных мотивах этого самоубийства, весьма сходного с самоубийством Скрынника. Больше по бросающимся в глаза дипломатическим умалчиваниям, чем по комментариям разных «активов» партии (Армении, Азербайджана и пр.), можно умозаключить, что случилось что-то весьма серьезное и что идиллическое «интернациональное братство», о котором так часто кричат большевики в своих писаниях,

не так уж прочно под пролетарским режимом, как не прочен и самый «большевизм» тех или иных «бокков».

Например, резолюция «актива» Армении считает «поступок А. Ханджяна завершением его двурушничества в отношении партии. Запутавшись в своих националистических ошибках и связях, А. Ханджян пошел на предательский и провокационный акт самоубийства, на акт, направленный против партии» (?).

Понстине, мертвые и те не гарантированы от большевицких репрессалий!

Далее, говоря об отсутствии «бдительности» покойного, резолюция, уточняя выражение «контр-революционные троцкисты и националисты», приводит в скобках некоторое пояснение: «троцкистские группы в Ленинакане, дело Н. Степаняна и др.».

Оказывается, затем, что этот самый Степанян, наркомпрос Армении, был известен своим «национализмом, антипартийными вылазками и контр-революционными троцкистскими высказываниями». Об этих чертах Степаняна, оказывается было «доложено» партии одним «достойным» осведомителем из армянских коммунистов, но вместо того, чтобы свергнуть шею Степаняну, Ханджян взял его под свою защиту и полупочтенному «осведомителю» был вынесен выговор за клевету. В этом «замазывании», у Ханджяна был сообщник — Гаолян, секретарь партколлегии КПК (комиссия партийного контроля) при ЦК ВКП по Армении. Тут же резолюция «ставит вопрос» о личности самого Гаоляна. Далее резолюция усиленно подчеркивает, что Заккрайком и «лячно тов. Берия» оказывали «огромную помощь» ЦК Армении и Ханджяну, но несмотря на это, последний, неблагодарный, «помог Степаняну и его группе продолжать свою контр-революционную работу».

Вот один пассаж этой резолюции, могущий раскрыть кое что в создавшейся на местах атмосфере:

«Провокационный поступок Ханджяна является предательским ударом в спину компартии Армении и всех большевиков Закавказья, актом, *оживляющим остатки* ликвидированных партией и советской властью за годы Закавказской Федерации, *националистических пережитков*, актом, *дающим пищу для контр-революционной деятельности жалких осколков дашнаков, троцкистов и других контр-революционеров*».

Этот «предательский поступок» Ханджяна, мол, «дает оружие в руки классового врага», троцкистов и «заклятых врагов трудового армянского народа — дашнаков» в «их борьбе против советской власти».

Далее идут «заверения», что армянские коммунисты сумеют смыть «позорное пятно» нанесенное предательским поступком Ханджяна на всю компартию Армении». Они «не покладая рук» будут работать, со своими коллегами из Грузии и Азербайджана, над дальнейшим укреплением и развитием братских уз между всеми народами Закавказья.

Прислушайтесь внимательно к этим *новым ноткам*, могущим раскрыть перед нами кое что в этой большевицкой «идиллии»:

«Они (большевики Армении) будут и дальше воспитывать в армянском народе чувство глубокой любви к своей республике, к великому отечеству трудящихся — СССР, к *грузинскому народу, давшему трудящимся всего мира великого вождя народов*, чувство безпредельной любви к нашей могучей партии и ея гениальному вождю — товарищу Сталину».

Что означает это особое подчеркивание любви к «грузинскому народу», повторяющее-

ся также и в других вариантах? Как это понять?

Или под знаком серпа и молота в Закавказьи не все обстоит так благополучно, как заверяют большевики и армяно-грузинские отношения оставляют желать лучшего — или лишь дан экстренный заказ на предмет создания для каких-то еще не выясненных целей — специального армяно-грузинского фронта в Закавказье...

Во всяком случае любопытно отметить совпадение этой коммунистической пропаганды армяно-грузинского сближения на местах — с деятельностью некоторых кругов армянской и грузинской эмиграции, выступающих под флагом «Армяно-Грузинский Унион». Мы хотим верить, что совпадение это случайное и может быть заставит наших «унионистов» призадуматься.

Обозреватель.

Copyright by Chevket Koundoukh and «Caucase».

Мемуары ген. Муса Паша Кундухова

ГЛАВА ШЕСТАЯ*)

Перемена отношения правительства к чеченскому народу. — Конфискация чеченских земель. — Решение мое брать службу. — Приказ по войскам и управлению Терской области о моем увольнении. — Князь Мирский объявляет о моем уходе Чеченскому сходу. — На значение ген. Лорис Меликова на место кн. Мирского. — Зимняя экспедиция на Западном Кавказе. — Моя докладная записка о положении горцев Терской области.

Вдруг правительство по обыкновению своему изменило все прежние свои предположения, нашло полезным стеснить чеченцев землю, с целью, чтобы они сами оставили Чечию и переходили на жительство за Терек. С этой целью назначена была комиссия под председательством генерального штаба полковника Розенкамфа. Она выяснила количество чеченской земли и вопреки только что отданного чеченцам акта, вся нагорная часть ее отошла в казну, а чеченцам оставлена

только незначительная часть ее без леса, так что на двор приходилось от 7 до 10 десятин, в дворе же средним числом числилось не менее пяти душ.

Огорчившись распоряжением этим столько же, сколько я был обрадован актом или вернее выразить оптически обманом, я, внимательно разсуждая, задал себе вопрос:

Первый — хочет ли правительство, как оно постоянно твердит и официально убеждает, сделать кавказские народы счастливыми и верными царю подданными? Хотя долг человечности и справедливости требует того, чтобы правительство искренно к тому

*) См. «Кавказ» ном. 1-25, 2-26, 3-27, 4-28 и 5-29.

стремилось, из дел его одного ясно видно, что оно только говорит и пишет об этом, а на самом же деле, пуская в дело обман и изворотливость, стремится оторвать их от своей религии и национальности и слить с русскими. Следовательно нечего здесь думать и рассуждать: дело ясно и понятно.

Второй вопрос — если так, то зачем же я служу и что от моей службы могу ожидать себе в будущем? Не пора ли мне оставить службу. До сих пор я служил в надежде занять почетное место с правом голоса в делах края и безукоризненною службою своею быть полезным нуждающимся в помощи моим соотечественникам, и также моим наследникам и тем заслужить себе в родном крае приятное потомству моему воспоминание.

Но, к несчастью, как видно по ходу дел, я сильно обманываюсь и очень далек от своего искреннего желания, ибо вот уже несколько лет занимаю желаемые мною должности, не только с правом голоса, но даже начальство иногда предлагает мне указывать ему меры для улучшения народного быта и водворения в крае прочного спокойствия и одобряя мои указания приводит их в исполнение. Но все это до поры до времени.

Является новый начальник, который, не зная края, и не вникая в сущность дела, без всякого рассуждения изменяет бывшую систему, по своему произволу, не к лучшему, а к худшему*).

Народ меня любит и верит, а я не в со-

стоянии оправдать этого, а напротив того, по обязанности царской службы, скрывая от него истину, невольно делаюсь гибельным для него орудием.

Начальство меня за службу щедро награждает, но это перестало меня радовать, потому что возвышение мое в сущности было не что иное как устройство моего счастья на несчастье ближних, что Богу неприятно и противно всякому порядочному человеку.

Вот сии истины внушили мне отвращение к продолжению службы и к истекавшим от нее личным моим выгодам. По настойчивым просьбам моим я был уволен от управления Чеченским округом при следующем приказе командующего войсками Терской области.

«Начальник Чеченского округа генерал-майор Кундухов, предназначенный мною на должность начальника Среднего военного отдела Терской области по разстроенному здо-

среди них грамоты и открыть путь к просвещению при сохранении их национальности. Данное же полковнику Розенкампфу поручение было жестоко-коварное. Заключалось оно в том, чтобы переселять чеченцев по частям за Терек и там их раздроблять между казачьими поселениями, так чтобы они, находясь в зависимости от казаков, со временем легко могли бы слиться с ними, т. е. цель была уничтожить самое звание чеченского народа. Допустим здесь, что я был поражен этими двумя противоречащими друг другу поручениями потому что как туземец и мусульманин судил о действиях правительства пристрастно. Но ведь барон Услар и Розенкампф были просвещенными и честнейшими русскими людьми, но их обоих более чем меня смущало и приводило в недоумение действие высшего начальства.

М. К.

*) К большому моему изумлению высшее начальство почти одновременно одного за другим командировало в крепость Грозную генер. штаба генерала барона Услара и полковника Розенкампфа. Поручение, возложенное на барона Услара было для чеченцев благодетельным. Оно имело целью развитие

ровью и домашним обстоятельствам не счел возможным принять предложенное ему место и согласно прошению увольняется в отпуск. Входя вместе с сим с представлением по начальству об устройстве положения генерал-майора Кундухова и о вознаграждении его заслуг, долгом считаю выразить этому генералу мою искреннюю признательность за добросовестное усердие, искусство и успех, с которыми он управлял самым многочисленным из округов в Терской области. Приняв должность начальника Чеченского округа в затруднительных обстоятельствах, когда пламя возстания, вспыхнувшее в соседних округах угрожало охватить всю Чечню, генерал Кундухов сумел не только удержать в повиновении чеченцев, но много содействовал и успокоению других округов и пользуюсь доверием к нему туземцев, успел внушить им ту преданность и доверие, на которых основано нынешнее и будущее спокойствие края».

Подлинный подписал: начальник области генерал лейтенант князь Святополк-Мирский. (Приказ по войскам и управлениям Терской области от 26 января 1863 г. за ном. 11).

Между тем начальство опасаясь, чтобы чеченцы, так меня полюбившие не сочли уход мой от них признаком дурного к ним намерения русских, командующий войсками князь Мирский приехал из Владикавказа в крепость Грозную и приказал всем наибам с аульными старшинами и почетными людьми собраться в крепость Чечхеры, куда от чеченцев, шатоевцев и ечкеринцев собралось до трех тысяч человек.

Князь, в сопровождении своей свиты, в числе коей были я и генерал-майор кн. Туманов, вышел к народу и став на возвышенном месте поздоровался с ним, благодарил его за спокойствие в крае и проч. Затем сказал:

— Вероятно вам известно, что начальник ваш генерал Кундухов по необходимым домашним обстоятельствам, еще более по разстроенному здоровью своему, при всем желании не может продолжать свою деятельную и полезную службу и потому высшее начальство, снисходя к неоднократным просьбам, уволило его от командования Чеченским округом. На его место назначен кн. Туманов. Надеюсь, что вы его, а он вас полюбите. Он грузин, одноземец ваш, знает ваши обычаи и будет продолжать в точности управление предместника своего.

Выслушав эту речь собравшиеся стали потихоньку переговариваться между собою. Через короткое время народный кадий их Али Мурза подошел к князю и сказал:

— Мы действительно слышали, что Муса просит об увольнении его от командования Чеченским округом, но не хотели этому до сих пор верить и теперь надеемся, что

Его превосходительство пожертвует своими личными выгодами для блага всего чеченского народа, его искренно любящего и уважающего. Мы готовы пожертвовать из каждой семьи по одному члену, для того, чтобы иметь его своим начальником и просим ваше сиятельство оставить нам его попрежнему».

Князь Мирский начал просить меня уважить просьбу народа и получивши от меня отрицательный ответ, сказал ему:

— Вот вы слышите, как его прошу и что он мне отвечает.

Тогда один из почетных людей, старшина Алхан, попросил разрешения сказать слово и обратился к князю:

— Ваше сиятельство, генерала Туманова, хотя мы и не знаем, но слышали о нем с похвальной стороны от шатоевцев, где он был начальником округа; но простите меня за откровенность, народ наш, вспоминая при-

чины 20-летней войны, все таки опасается произвольного его управления, которое он будет не в состоянии выдержать и на гибель свою опять скроется в лесах, требуя правосудия.

В это время сбор начал шуметь и из разных групп, собравшихся стали раздаваться крики: «разумеется, нас ничего лучшего не ожидает».

Шум и крики до того стали увеличиваться, что я принужден был обратиться с просьбою к кн. Мирскому оставить сбор и пригласить к себе на квартиру всех наибов, народного кадия и нескольких из почетных лиц с членами Михкемы*).

Мирский, одобрив мое мнение, тотчас оставил сбор и приказал набомам со сказанными людьми прийти к нему в полковой дом. Там успокоив чеченцев я оставил Чечню. Турманов вступил в командование отделом.

После того в скорости кн. Мирский, к сожалению всех горцев Терской области, был назначен Кутаисским генерал-губернатором. На место его начальником области был на-

значен генерал-лейтенант Лорис-Меликов.

Потеряв всякую охоту к продолжению царской службы, к чином и орденам я думал пользоваться правом, предоставленным туземцам (по политическим видам) состоять по кавалерии при Кавказской армии и, получая жалованье, жить у себя дома.

В этом же году зимою была назначена большая, усиленная экспедиция на Западном Кавказе с тем намерением, чтобы всех тамошних горцев, как непокоренных, так и мирных, не признавая за ними никаких прав, выселить из своих мест и поселить на плоскости между реками Лабю и Кубанью, давая им на двор только по 10 десятин, а на местах их от Лабы до берега Черного моря поселить казаков, назначая им на душу по 25 десятин земли (Шемякин суд!).

Тут я решился составить записку о положении горцев Терской области и обнаружить в ней всю истину.

25-го марта 1863 г. я представил ее при письме начальнику главного штаба генералу Коцебу.

(Продолжение следует).

Муса Кундухов.

*) Народного суда.

Обзор печати

ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА ПОЛЬШИ

Под таким заглавием советское агентство ТАСС передало по телеграфу своим читателям весьма интересную статью, напечатанную немецким журналом «Остланд», относительно военных усилий и возможностей молодой польской республики.

Автор статьи указывает, что польское пра-

вительство стремится к созданию новых внутренних сырьевых источников в интересах развития собственной военной промышленности. Он утверждает, что 70 проц. военных предприятий страны переброшено в центральную Польшу. Лучшее всего, по мнению автора, обстоит дело в Польше с производством пороха и взрывчатых веществ. В на-

стоящее время в Польше имеется 5 больших заводов, производящих порох и взрывчатые вещества: 2 завода находятся в Верхней Силезии и 3 — в центре. В Томашове выстроен большой завод взрывчатых веществ «Нитрат»; на фабрике искусственного шелка в Сухачеве производится нитроглицерин. Благодаря покупке государством фабрики суперфосфатов и серной кислоты в Кельцах расширились в прошлом году государственные пороховые заводы. По словам автора, Польша не только в состоянии покрывать свою потребность в порохе и взрывчатых веществах, но, кроме того, может еще обзавестись запасами на случай мобилизации.

«Даже на случай войны, — заявляет автор, — потребность Польши в порохе и взрывчатых веществах может быть целиком покрыта из собственных источников».

Польша обеспечена также производством необходимого ей количества боеприпасов. Имеющиеся 7 заводов в Центральной Польше и по одному в Ченстохове и Львове могут покрыть потребность Польши в боеприпасах даже во время войны.

Согласно данным автора статьи, хуже обстоит в Польше дело с производством винтовок. Важнейшие оружейные заводы находятся в Варшаве, Ц. Польше, Львове и Сосновицах. Завод ручных гранат, «Гранат», переведен из Варшавы в Кельцы, с той целью, чтобы разгрузить «перенасыщенную военными предприятиями Варшаву». Завод «Гранат» предоставил недавно в распоряжение фонда обороны страны 50.000 ручных гранат.

Слабее поставлено, по словам автора, в Польше производство артиллерийских орудий. Долгое время не удавалось литье пушек. В настоящее время в этом направлении достигнуты определенные успехи. Пушечно-литейный завод в Страховицах (Ц. Польша) выпу-

скает, кроме того, пулеметы, Польше удалось наладить выпуск бронетанковых единиц, которые вывозятся даже в другие страны (Эстония, Румыния и др.).

Автор констатирует однако, что моторизация армии стоит не на высоком уровне. За последние годы в Польше значительно увеличился авто-транспорт: на 1 января 1935 года в Польше насчитывалось всего 34.173 единицы моторизованного транспорта, в том числе 18.434 автомобиля, 1.542 автобуса, 4.945 грузовиков, 8.305 мотоциклов. Этого однако недостаточно. В случае войны, заявляет автор, государственно-инженерные мастерские не в состоянии будут покрыть потребность польской армии в моторизованных единицах. Надо также учесть то обстоятельство, что большая часть моторизованного транспорта устарела, и Польша, которая не в состоянии строить авто-машины, зависит исключительно от импорта.

Наоборот, старания Польши создать собственную авиационную промышленность оказались более успешными. 4 завода строят в настоящее время военные самолеты: 1) фирма «Плаче-Ласкевич» в Люблине (старейшее предприятие), 2) «Подляска Вытвурня» в Бяла-Подляска (завод построен в 1926 г. и располагает большими новыми мастерскими), 3) «Паньствова заклады летниче» (государственные авто-авиационные заводы в Варшаве), самолеты которых носят пометку «PZL». Эти заводы производят главным образом истребители. 4) авто-заводы в Познани, являющиеся филиалом варшавского предприятия. Кроме того, польское правительство купило заводы авто-моторостроения в Окенце (под Варшавой). Стоимость этого завода около 20 миллионов злотых. В Варшаве имеется второй крупный завод авио-моторостроения — «Авиа». За исключением некоторых запасных

частей и приборов Польша покрывает в настоящее время сама свою потребность в сырье и материалах для авиопромышленности. Возможная продукция авио-промышленности составляет при нагрузке в 50-60% в среднем 500-600 самолетов и 300-400 авио-моторов в год. Польша уже в состоянии экспортировать самолеты, в первую очередь истребители.

Далее автор отмечает, что Польша вынуждена заказывать необходимые ей морские вооружения: минные заградители, истребители, подводные лодки, так как сама не в состоянии производить их. Сообщая о том, что Польша имеет ряд заводов, изготавливающих газы, автор приходит к заключению: «К газовой войне Польша, таким образом, подготовлена отлично». И, действительно, военно-химическая промышленность, как явствует из статьи, широко развита в Польше. В Хожове (Верхняя Силезия) имеются азотные заводы, принадлежавшие раньше Германии. Другие важные военно-химические предприятия имеются в Западной Галиции, Познани, Шарнове и Центр. Польше. Особое внимание уделяет автор статьи предприятию в Радоме, изготавливающему противогазы.

ЕЩЕ О ПРОЛИВАХ.

Очень значительную и интересную статью посвящает конференции о проливах, состоявшейся в Монтре, швейцарская газета «Журналь де Женев». Она отмечает весьма важные разногласия, полные глубокого политического значения, которые противопоставили точки зрения двух якобы дружественных делегаций — турецкой и московской. В связи с этим газета касается и другого чрезвычайно острого вопроса — о положении государственных меньшинств.

«Известия» повели тогда полемику

против турок. Упрекая и подозревая их в том, что они «попали под влияние немецких и японских империалистов», московский виднейший орган печати нападает хозяевам проливов, что безопасность Турции немислима без тесного, русско-турецкого союза; и даже более — газета претендует на то, что самое существование Турции охраняется советским государством.

«Известия» несколько форсируют положение. Турция, конечно, не великая держава; она сильна исключительно только своим стратегическим положением. Дабы удержать свою независимость, она должна опираться на более могущественных, чем она сама, соседей, делать ставку на европейское равновесие, примыкать к одной группе государств против другой. Начиная с 1920 года, она искала в Москве опоры против государств Средиземного моря. Однако, ничего невероятного бы не было, если бы, следуя старой многовековой традиции, Турция стала бы искать союзников на Западе. Пакт англо-турецкого соглашения по вопросам Средиземного моря, которому Лондон имел бы в виду следовать — ничто иное как первая попытка возвращения к старым навыкам. Ясно, что Турция будет искать друзей наиболее сильных. Трубя о московских страхах, «Известия» разоблачают слабость и уязвимый пункт СССР. На конференции в Монтре Литвинов упорно настаивал на необходимости для России закрытия Черного моря флотам враждебных государств. Достигнутые результаты должны были бы его удовлетворить, если бы было доказано, что турки никогда в будущем не станут считать союз с со-

ветами для себя опасным, в виду того, что вместо московской защиты им самим придется защищать русских в самом слабом, самом уязвимом для них пункте. Не перекинется ли Турция тогда в другую сторону? Не откроет ли она проливы враждебным советскому империализму силам? Вот страх, который лишает сна и покоя властителей Кремля. Ибо Турция может найти для себя выгодным иметь соседями в Черном море Украину и Кавказ. С этого момента вопрос о проливах перестал бы вообще существовать.

Вот он — самый больший, самый уязвимый пункт. Почти все побережные территории в Черном море принадлежат федеративным республикам. Ни одна не заселена коренными русскими. Если Москва считает себя уязвимой на Черном море, то причина тому та, что она боится враждебности наций, которые она эксплуатирует и угнетает: Украину, Грузию, Кавказ, которые почти все находятся в контакте с Западом через проливы и численность которых доходит до 80 миллионов — половина населения СССР. Соглашение Монтре должно сковать цепь, но ключ от нея остается в неверных руках турок. Советское государство — прямой наследник царского империализма. Литвинов наследовал Николаю II. Но он знает, что вторая крымская война раздробит империю Сталина.

Теперешняя структура советской России навязана ей борьбой, которую ведут против Москвы угнетенные народы и национальности. Кремль концентрирует свою армию на Украине (28 дивизий) то льстя, то ударяя по этим национальностям, которые ему угрожают. Из страха и ненависти перед Москвой нацио-

нальные меньшинства Польши присоединились к Варшаве, лишь бы не иметь дела с ненавистным соседом. С другой стороны, союзники СССР, само собою принуждены становиться на линию политики угнетения и вражды по отношению к своим меньшинствам. Самый разительный, самый тревожный пример этому дает Чехословакия.

Чехословакия — это мозаика национальностей. Чехи составляют в ней только 48 проц. населения. Немцев более трех миллионов, венгерцев более миллиона, украинцев около миллиона, поляков 250.000. Казалось бы, элементарное благоразумие диктовало Чехословакии при этих условиях политику миролюбивую к этим меньшинствам, согласную с принципами, провозглашенными Масариком. Однако же союз Праги с Москвой навязывает Чехословакии позицию враждебную по отношению к украинцам, венграм, и немцам Богемии. Соблюдая верность московской дружбе, Прага декретировала меры военной предосторожности, которые являются настоящим попранием прав меньшинств и позволяют третировать их немилосердно, вплоть чуть ли не до уничтожения.

На протяжении всех границ чехословацких территорий на 50 километров в глубину, разрешено принимать меры исключительного характера. Новый закон дает властям право экспроприации (ст. 34); «подозрительные лица» (а как доказать противное?) могут лишиться прав эксплуатации своих земельных участков и коммерческих предприятий (ст. 19 и 21). Пгностранные выходы могут быть подвергнуты насильственной продаже их имущества с торгов (ст. 49). Такой за-

ков дает возможность свести на нет население. Он применен к территории почти исключительно заселенной меньшинствами. Закон этот серьезно компрометирует взаимоотношения Праги с Берлином, Варшавой, Будапештом и даже Веной. И все это почему? Потому что Чехословакия вошла в союз с советской Россией.

Конференция Монтре состоялась в критический момент. Ухудшая положение национальностей в СССР, она осложняет положение меньшинств, и делает еще более неустойчивым и без того трудный вопрос мира в Европе.

ОБ «АРМЯНО - ГРУЗИНСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ»

МЕНЬШЕВИКИ БЬЮТ ОТБОЙ.

В июньском номере (20) «Куртулуша», органа Расул заде, находим любопытную заметку о т. н. «армяно-грузинском объединении», из которой мы узнаем, что «совет кавказской конфедерации» (детище т. н. «Брюссельского пакта»), обсудив в своем заседании от 16 июня вопрос о так называемом «армяно-грузинском объединении», и констатируя всю вредность этого движения, вынес следующую резолюцию:

«Ознакомившись с текстом программы, адресованной армянскому и грузинскому народам от имени какой то анонимной группы, именуемой «армяно-грузинским объединением», совет Кавказской Конфедерации считает своим долгом выразить следующее всеобщее сведение:

1) Ни совет Кавказской Конфедерации, ни национальные центры, входящие в его состав(?), ничего не знают об этой программе. Из кого состоят лица, распространяющие эту

программу, этим организациям пока неизвестно.

2) Приветствуя в принципе всякое сближение и дружбу между народами Кавказа, совет Кавказской Конфедерации считает предпочтительным объединение этих народов в лоно лишь одной политической организации. Такая организация существует в лице совета Кавказской Конфедерации(!). В органах этой организации сохранены места так же и Армени.

3) По мнению совета Кавказской Конфедерации, заключение отдельных сговоров между теми или другими группами кавказских народов, не желательно и вредно. Несомненно, что такая инициатива может лишь дезорганизовать единство Кавказа и вызвать раздор и вражду.

4) Совет Кавказской Конфедерации напоминает в отдельности, что споры о границах и тому подобные литижные вопросы будут разрешены всесторонними соглашениями или же обязательным арбитражем лишь после достижения главной цели — освобождения Кавказа».

Лучше поздно, чем никогда.

Единодушные протесты национальной кавказской эмиграции заставили г. г. меньшевиков забить отбой... Даже для холопского долготерпения мусаватистов пилюля, поднесенная их хозяевами, оказалась слишком горькой...

Но сколько жалкого лицемерия и политической трусости в утверждении приведенного документа, что «этим организациям» (члены которых являются организаторами «Армяно-Грузинского Униона» и имеют гражданское мужество — воздадим им должное — нести личную ответственность за свое выступление) пока(!) ничего неизвестно ни о программе

(«Униона»), ни о лицах его составляющих...

Для армян, которые считали, что за «группой Вачнадзе-Асатиани стоят «главари гру-

зин» — это поспешное отступление спрятавшихся в кустах меньшевиков да будет предостережением и уроком...

ХРОНИКА

СЛУЧАЙ С ОДНИМ НЕКРОЛОГОМ

В тифлиских газетах от 14 июня напечатано было следующее сообщение, крупными буквами, в черной рамке:

«УМЕР ТОВ. АГА СУЛТАНОВ»

А затем следовала телеграмма соболезнования, адресованная жене покойного, в Баку, по поводу «внезапной смерти дорогого товарища», и подписанная Берия, Мусабековым и Кудрявцевым.

После этого, следует некролог: «Памяти большевика и товарища», отредактированный в идеологически-революционном духе — «Умер тов. Ага Султанов. Смерть вырвала из наших рядов еще одного стойкого и преданного бойца».

Затем узнаем, что покойный был родом из Баку, родился в 1901 году и уже с 1917 года «принимает активное участие в революционном движении», а с 1919 г. вступил в ряды большевистской партии и «с тех пор выполнял ответственную руководящую работу по поручению партии». Несмотря на свой юный возраст, Ага Султанов, оказывается, был председателем Аджи-Кабульского ревкома, затем председателем Шамхорского уездного ревкома, начальником политбюро Шемахинского и Геобчайского уездов, начальником орготдела и секретарем партийной комиссии Аздивизи, «заворотом» — есть и такой чин! — Сталинского райкома партии, секретарем Ганжин-

ского окружкома, а с 1931 по 1933 гг. — вторым секретарем ЦК Азерб. Ком. партии. В 1933 г. переехал на работу в Грузию и работал до последних дней секретарем Ахалцихского райкома партии. Одновременно этот советский вельможа был членом ЦК ВКП Грузии, Закрайкома, ЦИК-а Грузии и ЭСФСР.

Некролог говорит, что покойный «был внимательным, чутким и заботливым товарищем», «крепким большевиком, энергичным борцом за осуществление генеральной линии партии, за осуществление задач социалистического строительства».

Под некрологом красуются подписи всех большевистских корифеев Закавказья, как то: Берия, Мусабеков, Кудрявцев, Багиров, Мгалоблишвили, Бакрадзе, Рахманов, Арутюнов, Эфендиев, Акопов, Нориманов, Аматауни, Мустафаев, Бедия, Дарахвелидзе, Георгобани. Со своей стороны, читаем другое траурное объявление Закрайкома, сообщающее о смерти его члена Ага «Исмаиловича» (!) Султанова.

До сих пор, как будто, все идет гладко. Умер стойкий большевик, и чуткий товарищ и товарищи вспоминают его добрым словом.

И вдруг несколько дней спустя появляется в «Правде» корреспонденция из Ахалциха, которая повествует о том, что Ага «Исмаилович» вовсе и не умер сам, а был застрелен. Пишется о том, как во время «шьян-

ки» в доме одного местного жителя, хозяин выпустил в секретаря райкома Ага Султанова 4 пули, за его некорректное поведение по отношению к хозяйке дома, и что, оказывается, это был не первый случай, когда секретарь райкома устраивал «пьянки» с поездками за город, в компании красивых женщин, и что вообще поведние этого «стойкого большевика с ответственными миссиями», компрометировало партию, но никто не решался напомнить ему об этом и т. д. и т. д.

Характеристика, пожалуй, несколько иная, чем официальная реляция.

Теперь краевая большевицкая знать попала в несколько неудобное положение: как известно, идти против «Правды», не так то легко, а с другой стороны, «большевицкая солидарность». Интересно, как вывернутся из этого щекотливого положения Берия, Мусабегов и друг. Возьмут ли они «обратно» свой апологический некролог, или же будут оспаривать корреспонденцию «Правды»?

Впрочем, сейчас все перепуталось среди советских сановников: сегодня — фаворит, завтра — судебный процесс и пуля. Об этих новых внутренних катастрофах нам еще придется говорить подробно.

КАК ЖИВУТ «ХОЗЯЕВА СОВ. ЗЕМЛИ»

В Дагестане.

В местной газете Дагестана читаем следующую жалобу рабочих одной из МТС (машинно - тракторных станций):

«Мы живем в кошмарных условиях. Бани

и парикмахерской нет. Общежитие грязное, стены закопченные дымом, украшены узорами паутины, пол земляной, нас одолевают насекомые. В общежитии нет ни стола, ни стула, ни ведра. Пьем воду из умывальника, порой дождевую, так как вода находится далеко от МТС и принести ее не в чем. Общественное питание плохое. *Зарплату не получаем 3-4 месяца»...*

Далее узнаем, что рабочих этих оскорбляют на каждом шагу, директор ругает их «цензурной бранью»; «нет таких счастливых, которые, рассчитываясь, получили бы свою зарплату без суда»; всем рабочим, уходящим с работы по личному желанию, в справках о работе по обыкновению пишется: «лодырь», «симулянт», «пьяница», «дезорганизатор», «вредитель» и т. д. Больной рабочий, просящий позволения поехать в город лечиться, увольняется. «Рабочие центральной усадьбы с мая этого года не видели горячей пищи».

Не удивительно, что рабочие, трактористы, машинисты и т. д., покидают МСТ и уезжают.

«КАВКАЗ АЛЬМАНАГИ»

Вышел в свет и поступил в продажу в Стамбуле на турецком языке «Кавказ Альманаги» — сборник статей, заключающий, на ряду с многочисленными переводами из нашего журнала, ряд оригинальных статей наших друзей и единомышленников в Турции. В сборнике свыше 100 страниц. Цена 50 куруш. Выписать можно через «Кавказ».

Адресь Редакции: Mr Haïdar Bammate, 10, rue de Plélo Paris (15).

Le gérant: **Bisnovaty.**

Imp. S.N.I.E., 32, Rue Ménilmontant, Paris (20e).